

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ШАРЬ

ДЕВИЦА

ПОЭМА-СКАЗКА

В.М.
1922

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ЦАРЬ ДЕСЯТА

ПОЭМА-СКАЗКА

рисунки Д.МИТРОХИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

1922

Главлит. Москва. № 2425.

2000 экз.

16 типография „Мосполиграф“. Трехпрудный, 9.

Как у молодой змеи — да старый уж,
Как у молодой жены — да старый муж,
Морда тыквой, живот шаром, дышит —
терем дрожит,
От усов-то перегаром за сто верст
округ разит.

Как у мачехи у младенькой — сынок в
потолок,
Не разбойничек, не всадничек, не силач,
не стрелок,
Вместо щек — одни-то впадинки, губы
крепко молчат

Как в дворцовом палисадничке гусли за-
полночь бренчат.

Поведет в его споронку оком —

Смотрит в стену.

Дай-ка боком

Д' ненароком

Да задену!

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Спит Царевич, распротерся,
Спит, не слышит ничего.
Ровно палочкой уперся
Месяц в личико его.

Соврала, что палочкой:
Перспом светлым, палычком.
И стоиш бабенка шалая
Над мальчиком.

«Скрытные твои ресницы, —
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!

Отчего-то людям спится
А мне плачется!
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха?

На кроваточке одной,
Сынок с мапушкой родной.
С головеночкой льняной
Ребеночек мой!

Молчи, пес цепной!
Не реви, царь морской!
Проходи, сон дурной!
Ребеночек — мой!

В кипяток положь яйцо —
Да как не сварится?
Как на личико твое цветочное
Не зариться?

Для одной твоей лежанки
Я на свет рождена.
Я царевичу служанка —
Не царёва жена.

Обдери меня на лыко,
Псам на ужин изжарь!
Хошь, диковинный с музыкой
Заведу — кубарь?

Гляжу в зеркальце, дивлюся:
Али грудь плоска?
Хочешь, два тебе — на бусы —
Подарю глазка?

Не введу в расход, — задаром!»
А сынок в ответ:
«К взрослым пасынкам — нестарым
Мачехам ходить не след».

«Дай подушечку поправлю!»
 — Я и сам примощусь!
 «Как же так тебя оставлю?»
 — Я и сам обойдусь!

«Ай пониже? Ай повыше?»
 — Мне твоей вид постыл!
 «Видно разум твой мальчиший
 Звоном по морю уплыл?»

«Али ручки не белы?»
 — В море пена белей!
 «Али губки не алы?»
 — В море зори алей!

«Али грудь не высока?»
 — Мне что грудь — что доска!
 «Можно рядышком прилечь?»
 — Постеля узка!

«Коль и впрямь она узка — свернусь в тру-
 бочку;
 Говорливые мои шелка? — скину юбочку!
 Все, что знала, позабыла нынче за ночь я:
 Я крестьяночка, твоей души служаночка»

А Царевич ей в ответ
 Опять все то же:
 Все: не гоже, да не трожь,
 Не трожь, не гоже!

«Али личиком и впрямь не бела?»
— Не спрами родство, да брось озорство!
«Ох, зачем тебя не я родила?»
— Мне не надо твоего — ничего!

«Ох, височки, волосочки мои!»
Корабельные досочки мои!

Поздний свет в ночи, да треньканье струн
То царевичев усердный шептун
Три свечи зажег — да вниз головой,
Да псалмы поет на лад плясовой.

На угодничков плюет, давит мух,
Черных сродничков своих славит вслух.
— Распотешь себя, душа, распотешь! —
Над лампадочкой святой клонит плешь.

«Слюнка, слюнка моя, верный плевок!
Ты в лампадочке моей — поплавок.
Я не даром старичок-колдунок,
Не царевичев ли вижу челнок.

Шея лебедем, высок, белогруд
В нем Царевич мой, и я с ним сам-друг
Всколыхнулася лазурная рябь:
К нам на гусельный на звон — Жар-Корабль!

Подивись со мной, пророк Моисей!
 Купины твоей прекрасной—красней
 По середке же, с простертой рукой—
 Не то Ангел, не то Воин какой.

Что за притча? Что за гость, за сосед?
 Не то в лапы, не то в ризы одет!
 С корабля кладет две легких доски,
 Да Царевичу дает две руки.

Всполохнулся мой Царевич—погиб!»
 Половицы шум в ночи: скрип да скрип,
 Голосочек шум в ночи: «Дядь, а дядь!
 Научи меня, старик, колдовать!
 Опостылела царева кровать!
 Я с Царевичем хочу ночевать!»

— Что ты, матушка, кто-ж с пасынком
 спит?

«Царь с бутылкою в обнимку храпит.
 Ты царевичеву кровь рязвяжи:
 Коршунком ко мне на грудь положи!»

Усмехнулся в бороденку старик:
 Хоть царица, а проста на язык!
 Ночевать одной, поди, невтерпеж...

— Что-ж, краса, мне за работу кладешь?

«Положу тебе шесть сот соболей.»
 — Мне плевочек твой единый милей!

«Скат заморского сукна на кафтан.
— Из сукна того скатай сарафан!

«Так червонцев нагружу чугунок!»
— Дешев, дешев тебе царский сынок!

Приклонись ко мне, Царица, ушком,
Цену сам тебе скажу шепотком.—

Помертвела ровно столб соляной,
Д' как сорвется, д' как взовьется стру-
ной,

Как плевком ему да вызвездит лоб!..
«Хам! Охальник! Худородный холоп!

Целовать тебя—повешусь допрежь!»
Старикашка ничего, вытер плешь:

— Хочешь проку, красоты не жалеи!
Погляди-ка ты в лампадный елей!

Дунь и плюнь! Сделай рябь!
Что ты видишь? — Корабь.

Без гребцов-парусов,
Само море несет.
— «Ну-кось?» — Чтой-то темно!
— «Плюнь на самое дно!

Ну-кось?» — Ходко бежит!
Кто-то в лежку лежит.
Человек молодой...
— Светел пасынок мой!

Смотрит в синюю гладь.
Ничего не видит.

— «Перстень в маслице брось!
Ну-кось?» — Рученьки врозь,
Бусы в левой руке,
Гусли в правой руке,

Привалился к корме.
Думу держит в уме.»

— «Топни правой ногой!
Что ты видишь?» — Другой
В синеморскую хлябь
Выплывает корабь.

В сини волны в упор
Грудь высокую впер.
По середке — костер,
Пурпуровый шапер.

«Полный круг обойди!
Ну-кось? Зорче гляди!»

— Душу сперло в груди!
Дева всех впереди!
Великановый рост,
Пояс—змеи-самохлест,
Головою до звезд,
С головы конский хвост,
Месяц в ухе серьгой...

— «Топни левой ногой!»
Левой ножкой топнула,
Да как охнет, взглянув!
Да как навзничь грохнется,
Колен не согнув.

Да как запылком чекнется
С заслонкой печной—
Подсмотрел в окошечко
Месяц, сторож ночной.

— Ох вы бабьи дела келейные!—
Положил свою кладь на лавочку.
«Вынъ из ближнего, из нашего
Из платочка сваво—булавочку.

Ты упрись ею в грудь высокую,
Напой ее кровью досыта.
А пленишь молодого сокола,
Помяни и меня, красоточка!

Дерганула рукою спешною:
Грудь раскинулася — цветом яблочным!

Вынимает из тела грешного
Пурпуровую — всю — булавочку:

«Всю до капли кровь
За его любовь!
Всю из жилок прочь
За одну за ночь!»

Тот булавку враз
Ртом клыкастым — хватъ!
«Как начнет в волнах
Дева-Зверь вставатъ —

И вколи ему змейку в шиворот,
Чтобы вся их любовь — на выворот!

От булавки той — будет крепко спать,
Она зватъ его, а он пуще спать...
Ляжет парень смирней правиночки
От кровиночки-булавиночки.

Вру — оставъ в руке
Бороденки клок!»
А она в тоске:
«Получай залог!»

И, прильнув к бороде взъерошенной,
В ночь—с улыбочкой перекошенной.

Лежит Царевич мой бессонный,
Как лебедь крылья разбросал
«Все отдал бы, весь сан престольный,
Кто бы мне душу распостал!

Не естся яблочко румяно,
Не пьются женские уста.
Все в пурпуровые туманы
Уводит синяя верста.

Каким правителем вам буду,
Каким ероем-силачем—
Я, гусяришка узкогрудый,
Не понимающий ни в чем.

Как с конницей-связусь-пехопой,
Когда до бабы не охочь!»
И опершись на локопочек,
Такой унылый смотрит в ночь.

А за дверью скреб да скреб...
— Дядька, ты?
— Я, твоя лодырь,
Твой холоп-лысолоб!

Отчего корабль морями
Сам без весел плывет?»

— Оттого что за морями
Царь-Девица живет!

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ ▾ ▾ ▾ ▾ ▾

Не слетались голуби
К окну за крупой.
Встал Царевич сгорбленный,
Кручинный такой.

Вкруг очей—что обручи
Набились круги.
Чай, опять на коврик—
Да с левой ноги!

Гребешок попрагивал—
Из рук пустил!
Сапожок натягивал—
Да так и застыл.

« Не понятъ, чем бабам
Моя суть хороша!
Руки-ноги слабые,
Как естъ — лапша!

Награди халатиком,
Крещеный мир!
Цельный полк как я таких
Взойдет в мундир.

Кто б меня да турманом
Да в тартарары!
Где глаза лазурные?
Две черных дыры.

Снеговое скаперти,
Мертвец — весь сказ!
Вся-то кровь до капельки
К губам собралась!

Василька от робости
В полях не сорву.
Киньте в воду — пробочкой
Поверх всплыву.

Само солнце пятится,
Не кажет лица.
Видно в полночь, в пятницу
На свет родился.

До любви нелакомый,
Себе не мил —
Видно месяц, плакáмши,
Слезой обронил.»

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.

Не трубили зóрю
С крепостной стены.
В небесах Егорий
Не разжег войны.

Спит кузнец над горном,
Спит косарь в копне
— Чей глазочек черный
В слуховом окне?

Что за соглядатай
Мерит даль зыбей —
Выше голубятни,
Раньше голубей?

Нет такой вершины,
Чтоб тоске — крута!
Лучше всех аршинов
Черный взгляд-верста.

Берегитесь, люди,
Не кленовых спрел!
Ветр с кудрями-грудью
Как любовник смел.

Уж такой ревнитель!
Всюду — в раз — рука!
Чтоб дружечку прйти
Взять у ветерка?

«Дар ты мой обманнйй,
Клад не покупной
Ровно столб туманнйй,
Аль дымок степной...

Пьет — отца хоронит,
А спупнет шажком —
Вот сейчас обронит
Ножку с сапожком.

Шагай с косогору,
Плыви — вдалб — водой...
Не уйдешь от взору
Мачехи молодой!

Все ж на Зверь-Солдатку
Не откроешь глаз, —
В воропок твой сладкий
Я змеей впилась!»

— Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Прискакав с ночной аптаки
(На лбу поп — росою крупной),
У окна сваво, над взморьем,
Царь-Девнца саблю чистит.

На плече на правом — голубь,
На плече на левом — кречет.
У ее подножья нянька
Ей сапожки начищает.

«Ох ты, царь мой, Царь-Девнца,
Вихрь-Девнца, Жар-Девнца
Нету мне с тобою сладу,
Не покоишь мою старость».

Погляжу на кудри гривой,
Погляжу на взор пожаром —
Как не я тебя, а львица
Львиным молоком вскормила!

День встает — врага сражаешь,
Полдень бьет — по чащам рыщешь,
Вечер пал — по хлябям пляшешь,
Полночь в дом — с полком пируешь.

Люди спать — ты саблю почишь,
В церковь — псов из ручек кормишь.
Вся родня и опступилась.
Дай-ка правую мне ножку!»

Рассмеялась Царь-Девица:
«Мне и любо без родни-то!
Огнь — отец мне, Вода — мать,
Ветер — брат мне, сестра — Буря,
Мне другой родни не надо.»

Осерчала нянька: «Полно
Ржать-то ровно кобылица!
Как бы этим ржаньем всех-то
Женихов не распугала!»

Пуще Дева-Царь хохочет:
«Эка сладость — женихи-то!
Мой жених — мой меч пресветлый,
Меч мой сабельный, веселый:
Мне других дружков — не надо!»

Пригорюнилась тут нянька:
«Порвала-б цветочков в поле,
Завела-б себе подружек,
Позабавилась-б маненько»...

Ей в ответ с усмешкой Дева:
«Трубный звон — моя забава!
Мне иных забав — не надо!»

«Первенчалась бы с красавцем»,
Нянька у ней в ножках хнычет,
«Сбросила б наряд свой мерзкий,
Да над люлькой над роскошной,
Над пеленочной заботой
Всю бы ночь, заместо гульбищ,
Все бы пела-распевала.»

Топнула ногой тут Дева:
«Нянька ты, а я Царь-Демон!
Кой мне чорт в твоих пеленках!
Бранный быт — моя забота!
Мне иных забот — не надо!»

. . . «Отстранись-ка, нянька, что за
Звон с воды встает за чудный?
Чтой-то под моим окошком
Волны за слова лепечут?»

«Гусли, гусли самозвонны,
Вся забавушка моя!
Из зубчатой из короны
Ни зубца не стою я.

Не слышал еще, как бабы
По ночам полкуют сны.
Гусли, гусли, — вся забава
Осемнадцатой весны!

Я, мальчишка узкогрудый,
С бранным бытом незнаком.
Гусли, гусли-самогуды
Мне — единственный закон!

Я до смертного до попу
Не отстану от струны!
Гусли, гусли — вся забота
Осемнадцатой весны!»

Просияла Царь-Девуца:
Терем в раз озолотила!
«Баб не любишь? Драк не любишь?

Ну тебя-то мне и надо!
Как, к примеру, Дева-Царь я,
Так, выходит, — Царь-ты-Дева!
Уж с таким-то голосочком
Муж за прялку не засадит.»

Хлопнула тут Царь в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Вихря-мне-Коня седлали!»
Хлопнула в ладоши дважды:
«Повели, чтоб тем же часом
Был Корабль готов к отплытью!»

Трижды хлопнула в ладоши:
«Повели, чтоб тем же часом
Для прощального парада
Там, на площади великой,
Всё наши полки собирались!»

— «Дура старая, что хнычешь?
Али жалко, что последний
День встает наш, Царь-Девицын?»

«Ошалела я от счастья»,
Нянька хнычет под ногами,

«Знашь за всё мои молитвы за слёзные,
Вить гнездо тебе, моя орлица безгнездная!

Знашь, не даром карты ввали,
Знашь, не даром я всё ночи,
Притаясь, наряд венчальный
Тебе шила-расшивала.

Утюжек пойду поставлю:
Хоть и глаженный, а надошь
Для красы проведешь маненько...

— Что-ж ты рот перекривила?»

«Как в раззолоченной попонке
Не гоже бранному коню,
Ужель апласною пряпченкой
Свою же славу заслоню?»

Цельному войску господином
Была,—так справлюсь и с одним!
Одним своим лучем единым
Мы светел-месяц полоним».

Опоясалась тут саблей,
Свистнула в кулак свой смуглый,
И на зов ее кулашный
Вихорь-Конь к ней на крылечко
Белой молнией взлетает.

«Ну, простимся, нянька, что-ли?
Там, на площади великой,
Будет нам не до тебя уж».

Чмокнула с размаху няньку
В рот морщинистый, соленый,
И с окошечка резного
Коню на спину с размаху
Белой птицею махнула.

Не колосочки овсяные
До солнышка встают в ряды,—
То ратнички ее спальные
Равняются на площади.

Толк по рядам прошел безвестный:
«Не будет Девы — нам — Царя!»
И что нам до зари небесной,
Когда земная нам заря!

Топчи, конь вражеский посева!
Всё в море кóлкола, звонарь!
И вздох туп: «Дева! Дева! Дева!»
И рокот: «Царь наш! Царь наш! Царь!»

Грудь в светлых лапах, лоб — обломом,
С подсолнечником равен лик.
Как из одной груди туп громом:
«Сам Михаил-Архистрапиг!»

«Здорово, спан сильномогучий!»
Гремит громopodobный глас.
Рече — и, рассекая тучи,
Промеж рядочков понеслась.

Конь с Дёвицею точно сросся;
Не различишь, коли вдали:
Хвост конский, али семишерстный
Султан с девичьей головы!

Как вихрь промеж рядочков вихрит,
Пот — градом сквозь пожар ланит.
Лишь где на том конце зачихнет,
Уж на другом конце гремит.

Уж никогда грозней да лучше
Трубач губастый не трубил.
Гром-барабанщик обе ручки
По локоток себе отбил.

Как облачная рапъ в лазури—
• Полк за полком, полк за полком.
И подает полкам Царь-Буря
Тут знак малиновым платком.

«Прощайте, верные мундиры!
Стан сухопутный, стан морской!
Как вам—такого командира,
Команды мне не знать такой.

Ни сына у меня, ни дочек,
Вся без остатку пропаду!
Кто на мово коня да вскочит,
Того наследником кладу.

Перехожу в иную веру,
Всю волюность отдаю за грош...
Но следом моему примеру—
Вы бабами не станьте тож!»

Словно лес какой червонный—
Всё склоняются знамена...

Словно лик какой явленный—
Всё склоняются колена.

Словно реки в половодье—
Слезы светлые текут.

«Рев—сарафанам, кровь—доспехам!»
Им Дева молвит свысока.
«Смерть самоё встречают смехом
Мои усердные войска.

Аль осердить меня решили?»
Стойком на спременах встает,
Всем руки сильные, большие
На целование дает...

«Чад не балуйте, баб не бейте,
Мечем рубите новизну!
А помянуть меня—пропейте
Сегодня всю нашу казну!»

— Прощайте!—почернела разом,
— Простите—разломила щит...
Мчит, а за ней пропив приказу
Гром-барабанщик следом мчит.

«Как две руки мои отбиты,
Дай хоть с мизинца ноготок!».
На всем скаку рукой сердитой
Раздергивает жар-платок.

Рвет на́двое платок-ширинку,
И, голову пригнув к плечу:
«На, барабанщик, половинку!
Другая будет трубачу».

Песнь прежалостную тут мы споем:
Как прощалась Царь-Девица с конем,

Как дружочка за загривок брала,
Сахарочку в рот брусочек клала,

Целовала как, огня горячей,
Промеж грозных, промеж кротких очей,

Прижималась как—щекой золотой
К конской шее лебединой, крупной...

Повязавши как шнурком поясным,
В ножки кланялась поклоном земным.

Как покорно—что гайдук-эсаул—
Белый конь в ответ колено согнул,

Как пригнувшись, чтоб не слышал никто,
Сотворила ему речь на ушко.

И еще-то мы прибавим к сему,
Как всё слезки до единой ему

Сцеловала — ровно брата-ей-жених —
С карих ласковых очей дорогих.

Как всё жилы напряжились на лбу,
Себе в кровь как закусил губу.

Как по сходням взошла
Стопудовой пятой,
Как прах с ног отрясла,
Как махнула рукой.

Полк замертво свалился пьяный.
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

«Что за костер это мчится в степях
синих вод?»
— То своему счастью навстречу красotka
плывет.

«Кто ж у ней славно так правит рулем-
кораблем.
— Море им правит, так вот он и прет
напролом!

«А под шатром-то с лицом-то как шар
золотой,
Что там за воин — за Ангел — за Демон
такой?»

Каску хвостатую ветр ему сшиб на бек-
 рень,
 Ростом-то—башня, в плечах-то косая
 сажень!

В хладной пучине, чай, крестит купец-
 кую тварь?»
 — Мчит на смотрины, а имя ему—Дева-
 Царь.

«Как это?»—Так это.—«Что ж за краса
 без косиц?»
 — Кос всюду дѣсыта! А светлолиц,
 круглолиц,—

Солнцу на ревность!—«Уж больно плечи
 высоки!»
 — А поясочек-то! Перстень берет в
 пояски!

Спорить-то нечего! Каб не свобода-
 душа:
 Кабы не плечики—вся б в перстенечек
 прошла!

Так, почаевичав позавчерашним хвостом,
 Спор заводили-беседу акула с китом.

Отдыхает зыбь красотка
От ночи своей от ндравной.
Идут ровно, идут славно,
Идут славно, идут ходко.

Словно месяц в полнолуние —
Звон собой все море занял.
Струнки, струнки-говоруньи,
Жилочки мои бараньи!

Лежит Царский сын на спинке,
Гусельки зажал любовно.
Ходят пальцы без запинки,
Ходят славно, ходят ровно.

В чудный час передвосходный
Мой совет тебе — кто б ни был!
Меняй спрасный путь на водный!
Бросай бабу, — иди к рыбам!

Говорят: яд рыбий горек,
Говорят: яд бабий — тоже!
Да по крайности не спорит,
Как с нее сдираешь кожу!

Бабе: дура! она: родный!
Ты ей в рыло, она: милый!
Не теряй на подлость силу
В чудный час передвосходный!

Эх вы, царские сыночки!
Эх мы, сосны чернолесе!
— Ни денек тебе, ни ночка,
Ни заря тебе, ни месяц,

Ни корабль тебе, ни зыбка,
В ней ни муж тебе, ни дева,
Ни гармонь в руках, ни скрипка,
Ни те вправо, ни те влево...

Вдруг как вскочит корабль-лодка
Как припустится с прискоком!
Уж не ровно, уж не ходко:
Идут скоком, идут боком.

Уж такая дурь да дикость,
Новгородское аж Вече!
«Ну-кось дядька, погляди-кось:
Ай корабль какой навстречу?»

Отвечает топ, осклабясь:
(Дух учуял Царь-Девицын!)
«Ни в волне мозгов, ни в бабе!
Стало—нечего дивиться.

В море плыть—не землянику
Брать, аль в шахматы-бирюльки!
То—корабль тебе, то—люлька!
Лучше песню запаяни-ка.»

Тот поет, а рев вокруг-то:
 Точно львица с львом сцепилась!
 Привстает гусяр по грудку:
 Чпо за припча? Ай взбесилось?

До зари-то, глянь, час цельный
 А волна-то, глянь, — кровь-кровью!»
 — Пой, сыночек, на здоровье!
 «Нет уж, — не до колыбельной!»

Хлябь-то тигрой полосатой:
 Вал пурпурный, вал червонный...
 «Спи, сыночек, час-то сонный!»
 — Нет уж, дядька, не до сна тут!

Хочет встать, а тот булавку
 Ему в шиворот — как вгонит!
 Хочет встать, а сон-то клонит,
 Как ягненок на травку,
 Как купца валит к прилавку...

Спит...

Тут как вздрогнет жук навозный,
 Раб неверный, тварь Иудья:
 С кораблем-челном — грудь с грудью —
 Жар-Корабль стоит, гость грозный.

То не солнце по златым ступеням—
Сходит Дева-Царь по красным сходням.

Под военной да под веской стопой
Чуть не треснул весь челнок скорлупой.

Руки в боки — ровно жар-самовар!
Зычным голосом речет: «Где гусяр?»

Дядька в ножки ей—совсем обопсел!
Аж по песбему от страху присел.

Д'ну по доскам башкой лысой плясать!
Д'ну сапожки лизать, лоснить, сосать!

Д'как брыкнет его тут Дева-Царь по
башке:
«Что за тля—да на моем сапожке?»

Д'как притопнет о корабль каблучком:
Дядька—кубарем, в волны—ничком!

«Будешь помнить наш сапог-леденец:
Где гусяр—сын царский—знапный пе-
вец?»

Шипом-свистом топ с коленочек:—
Спят-с!

«Я б за свист тебя змеиный—да бац
По щеке—да вот боясть-то кака:
Змеем-гадом провоняет рука!

— Тише, волны, синеморская рапъ!
 Голосочку мне свово не слыхатъ!—
 Где ж он?» — Духом вам предспавлю всю
 суть, —
 Лишь изволите коленку согнуть!—

Смоприт: нѣ шелк-янтарь—мусор-товар:
 На дне—с гусями в обнимку—гусяр!

Взглянулѣ — д'как расхочется!
 В ладошечки — д'как всплеснет!
 «Я чай еще в пеленки мочится!
 Пустышечку еще сосет!

Без перспня, без попа, без венчика,
 Ну, было мне о чем тужить!
 Не думала я себе младенчика
 От взгляду одного нажить.

Забѣла я тебѣ пеленочек,
 Проси́ меня за недосмотр!
 Смопрю-ка на тебѣя миленочек:
 Смопринь-то смотреть — не смотр!

И водит все —
 По бровочкам,
 По лобику
 Рукой.

Молоденький!
Да родненький!
Да плохонький какой!

В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
А ничего, что худенький, —
На личико приятненький.

Сгоняет муху с бровей,
Равняет руку с своей.

«Как суха корочка
Как ест — без мякиша!
Твоя — то — перышко,
Моя — то — лапища!

И каждый пальчик — то
Как царь закованный!
А моя — черная,
Да бесперстнёвая!

Твоя — коври расшивать
Моя дубы корчевать.»

И к люботе припав
Лбом смуглым сводчатым —
По волосочкам — то,
Да по височкам — то...

«Твои-то тонкие,
Лен—волосенки-то!
А мои—конские,
Что струны—звонкие!

Дай, вошку поищу,
Головку почешу.

Уж такого из тебя дещину вынянчу,
Паутинка ты моя, простинка, шелкови-
ночка!»

И гласом гневным вдруг:
«Ох, старый змей-паук!

На живодерню гожд:
Дурной уход ведешь!

Чай по снегам водил
Ступнями босыми,
Поил не допьяна,
Кормил не досыта...

—Тонее просточки!»
А дядька-хитростник:
«Были бы косточки,—
Мясо-то вырастет!

Что ж, что весом плох, зато
стройнее сосенки!
По плечо тебе, небось,—такой
высоконький!

Та грудочкой склоняется,
Тот ручкой заслоняется,—
Чтоб солнышко ему, должно,
Личика не нажгло.

—Гляжу, гляжу, и невдомек:
Девуца где, и где дружок!

Ты расплепись, веревнице!
Где юноша? Где девушка?

Тот юноша?—лицом кругла,
Тот юноша?—рука мала:

Одной косы две плёточки,
Две девушки-красоточки.

Да больно вид-то их таков,—
А ну-ка двое паренков?

Тот девушка?—глядит насквозь!
Тот девушка?—коленки врозь!

Одной руки суставчики,
Два юноши-красавчика,

Чтоб не испортил нам смотрин
Неверный разум наш Фомин,—

Где царь не приложил печать,
Там надо надвое решать:

Кто сам с косою да в юбочке:—
Тому пускай—два юноши.

Кто вокруг юбок веется—
Тому пускай—две девицы.

А ну как зорче поглядим—
И вовсе все обман один,

И вовсе над туманом—дым,
Над херувимом—серафим?

Спим.

И ладит, и гладит
Долг девичий плошит.
Ресницами в самые веки щекошит.

Чай синие очи-то,
Как по морю плыть!
И видешь-то хочется,
И жалко будить.

Над ухом аукает:
«Жених мой!—Ау!»
На грудке баюкает
Добычу свою.

«Спи копна моя льняная,
Одуванчик на стебле!
Будет грудь моя стальная
Колыбелечкой тебе.

Сна тебя я не лишаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты—махонькой!

Что шелка—щека,
Что шелка—рука!
Ни разочку, чай, в атаку
Не водил полка.

Спать тебе не помешаю,
Алмаз, яхонт мой!
Оттого что я большая,
А ты—махонькой!

Что за дивный твой за сон за такой?
Дай-ка взбрызну да водицей морской!

—Держись, дружок хорошенький!—
Берет воды пригоршенку:
«Тебе для раза первого
Твой сонный грех прощу!

Чтоб крепло тело бренное,
Морской водою пенною—
На подвиги военные
Младенчика крещу!

Чтоб светлым встал, чтоб век не спал,
Одним своим речением,
—Морским своим крещением—
Младенчика крещу!

Чтоб цельный полк поклат перстом,
Чтоб первый гром пред ним ползком,
Чтоб Деву-Царь согнул кольцом—
Младенчика крещу!»

То не тучка молодая
Лен кропит:
То дружочка—дорогая
Водой плещет, поливает,
А он спит.

На лице его из воску—
Как серебряная россыпь,
Как серебряные слезки,

По лицу его из воску
На всё стороны — полоски —
Струйки светлые — текут.

«И не взглянет! А уж знаю — глаза сп!
Всем хорош, да больно спать — то горазд!

А пора бы уж глазочкам из горенки!
Погляди — меньше вершочку до зоренки!

Ровно шерстка на ягнятах — баранах —
Весь Восход — то в завиточках румяных!»

Старик над ним: «Все гусельки!
От них и сон глубокий!»
Она над ним: «Где ж усики?
Осмынадцатый годок!

Пора бы уж травиночке
Пробиться на лужку!
За первую пушиночку
Весь сон тебе прощу!»

И, зардевшись пуще каски своей,
В лоб целует — промеж длинных бровей.

Дрогнули веки,
Руки разжал.
Вдоль лица — некий
Блеск пробежал.

Звякнули — выпав из ручек — гусли:
 Дева над ним:
 «Синих очей твоих, аль, дождусь я?»
 Но — словно дым —

Изнизу — вдоль впалых щек —
 Облак — морок — обморок.

Постояла Дева-Царь, пождала;
 «Ох ты яблоч мой, изюм-шептала!..
 А достать тебя — Господь умудри!»
 Вынимает из височной кудри

Горсть крученых-перкрученых струнищ,
 Горсть червонных золотых волосищ.

— Не видали вы такого руна!
 Каждый волос — золотая струна! —

Передашь их Гусяру на струнке,
 Пусть звончей бренчит во имя мое!

Таких на рынке нету струн!
 Становься, старый змей, во фронт!

Руки по швам,
 Червяк земли!
 Зело моим словам
 Внемли!

Чтоб вышла из него болесть —
Дашь яблочка ему поесть.

А пить ему вино, не квас —
Вот будет первый наш приказ.

Чтоб выхмелил весь сонный хмель —
День за море, Гусяр — в постель.

От мух рединкою накрой, —
Вот будет наш приказ второй.

Вставал чтоб правой ногой,
Чтоб мылся холодной водой,

И — весла в ручки! — в добрый час!
Вот будет третий наш приказ.

Да чтоб струнчик не рвал — поминанница,
Да чтоб первым приплывал — на сви-
даннице!

Стоит — дитя над пряником, —
Стоит, очей не сводит.

На личико кудрями — то
Резную тень наводит.

«Прощай, мой невзаправдошный,
До завтра, сласть не русская!
На первый раз — в приглядочку,
А уж второй — в прикусочку!

Поцеловала б в лоб еще,
Да уж боюсь — без навыку!
Пока еще заботушкой
Не стал — прощай, забавонька!»

Сапожек чрез борток.
Ногой легкою — скок
Домой, в красный чертог.

На простор синих волн —
Толк — Царевичев челн!

Меж Солнцем и Месяцем
Верста пролегла.
Султан конский трепется.
Поплыл. — Поплыла.

Не заноза из тела вон —
То из ткани булавка воспряя.
То на личике снеговом
Глаза синие, синеморские.

Бьет ресницами — на
Локопчек привстал.
Промеж бровками трепт:
«Уж и долго я спал!

Ровно дождь меня понким
 Серебром поливал.
 Ровно жавронок звонкий
 Вкруг меня ликовал».

— То не пташечка-резвушка
 Ликовала, —
 То тебя твоя подружка
 Миловала.

Аукала, агукала,
 На жар-груди баюкала,
 В кудрях пигрицей рыскала,
 В лицо водицей прыскала.

Бушевала над тобой—как в день суд-
 ный!
 Да уж сон-то твой такой—непробуд-
 ный!—

«И снится мне», молвил
 Лоб-гладя-чело,
 «Что красное солнце
 На лоб мне сошло.»

Лежал, не завесясь,
 Ан и вышел ожог!»
 —Ох бел ты мой месяц,
 Меловой пирожек!

И солнца-то непути
Тебе лоб припекашь!
То губ царских редкостных
Дорогая печать.—

Не слышит Царевич
Тех дивных речей.
Глубь сонную мерит
Верстою очей.

«И снится мне»—охает,
Руно глядя волос,
«Что с куполу с грохотом
Сто цепей сорвалось».

— Тебе бы припарочек
Штук пяток на башку!
То первый подарочек
От невесты—дружку!—

Принимает в ручку белую
Волоса червонные.
А рука-то занемелая,
А рука-то сонная...

Волосок пить-есть не просит...
Ручку раскрывает,
За волосиком волосик
Из руки роняет.

— Эх вы, с головы беспутной
Кольцы завитые!
У морских цариц на люпнях
Чай звонят, златые!

НОЧЬ ВТОРАЯ

Сидит Царь в нутре земном, ус мокрый
щипет,

Озирается кругом—чего бы выпить?

Уж пито-пито,—полцарства пропито!

А все как быдто чегой-то не допито.

Как боярышни пред грозным пред опцом,
Вкруг него всё чарочки кольцом.

Тут и турецкие, тут и немецкие,
Архирейские, де венецейские...

«Быстрее глоточки моей
Ей-ей вы сохнете!
Пью не напьюсь, лей не жалеи,
А все пустехоньки!»

Ровно милочки—плясать перед купцом—
Вкруг него бутылочки кольцом.

Уж и горластые, цветные, красные,
Уж и бокастые, и ярлыкастые!

Лешами-плесенью седой захватаны,
Как леший, царь лесной,—гляди—мохна-
стые.

Узнать-то надобно, что в них скрывается,
 Что цветом-радугой переливается!

Лей-лей, не жалеи,—
 Все равно перельеши!
 Пей-пей, сколько хошь,—
 Все равно не перепьешь!

Лоза наша полная,
 Погреба просторные,
 Бочкарь наш испытанный,
 Бочки не считаны.

Как мальченок пред старым пред бой-
 цом—
 Вкруг него бочечки кольцом.

Каким кольцом?
 Сплошной стеной!
 Какой стеной,—
 Война войной!

Плеснешь—не выплеснешь!
 Хлестнешь—не выхлестнешь!
 Гляди, Царь-хитроустник,
 Как строй осилишь наш!

Промеж винных рек, бочечных гор,
 Свой бахромчатый раскинул шатер.

«Людам — море синее,
Мое море — винное.
Люди спят на берегу,
А я — так всю ночь гребу.

Мое море тихое,
И гребу без смены.
А зато мне ихние
Моря — по колено!

Их вода — не сладкая,
А моя — с накладкою.
Не щадя ни рук, ни плеч,
И гребем мы бесперечь.

В своем море мы гребцы,
В своем море мы пловцы.
Придет час итти ко дну —
В своем море попону!»

— Да ну?

— Кто ж тебя схоронит?
Раз пвещь — неженатый,
А коли женатый,
Кругом виноватый!

Кому я нужен — старый,
Пятиалтынный — пара,
Вином лишенный сану,
Кому я нужен пьяный? —

Сидел, сидел Царь наш—инда уснул!
Ручкой-ножкой себе путь распротал.

Хочет на ноги—ан нет, тянет вниз!
— Эй, дорогу, мелкопа, сторонись!

Попытался было с левой ноги,—
Снова навзничь повалили враги!

Разгасился—что индюк Кохинхин!
Да как вцепился тут в шатер-балдахин!

Был кумач тот не сменен—с коих пор!
Царю на голову и рухнул шатер!

Как пошла тут дребедень стеклянной
пылью!
Как тут чекаться пошли бутыл с бу-
тылью!

Шатер Царя душил,
Вино Царя топил,
Уж не лужи—а реки,
Уж не реки—потоки...

Вошел бы кто с воли,
Всяк диву-б дался!
Шатер Царский воел
На всё голоса.

Как чорт — красным машет,
Шапер царский пляшет.
Аль может в нем слон какой!
Аль может дракон какой?
Аль может все сон какой?

Чтоб в умишке нам самим не порешиться,
Мы пройдем пока на половиночку к Ца-
рице.

Проїдем-ка к красавице,
— С вином спорить зря! —
Посмотрим, как мается.
Слезой обливается,
Как с ночью справляется
Страна — без Царя.

Прежде чем засов раздвинем,
Ты скажи, душа, — отколе
Ты сама-то к нам: с мужской-ли,
Али с женской половины.

Коль с мужской — так брось тревогу:
Нянек корочкой задобрим,
Коли с женской — врозь дороги,
Влево путь держи, час добрый!

Так,—Засим, дружок, дай руку.
 Не робей,—плечом не трону!
 Это—детская наука,
 Я китайской обучена.

Если-ж сердце (грудь-то ящик!)
 Хрусталем об стенки чокнешь,—
 Ничего, дружок!—тем слаще
 На крыльце подружку чмокнешь!

Не води, дружок, певицы
 Потаенными пропами!
 Мы, поющие,—что птицы:
 Разве что перо на память!

Да и то, коль не скупиться:
 Тебе—малость, ему—малость...
 Всем по первышку—Жар-Птица
 Вовсе-б без хвоста осталась!

— Так.—

Отстегни-ка мне монисто—
 Няnek не беспокоить!
 Семь небес у Девы Чистой,
 У Царицы—семь покоев.

(У тебя ж, паренка,
 Как ледшечка—рука!)

Стены всё в сетях-тенетах,
Колокольчиках-звоночках.
Честь жены—Царю веночек:
Недостаточно замочков!

(А со мной, коль пригож,
Сквозь иголочку пройдешь!)

Быстро—руки, вниз—ресницы:
В одной юбке легкой, лепней—
То плепуньи-кружевницы
День и ночь сплетают сплетни.

(Только вкось поглядев,
Сплетем без кружèв!)

Глянб-ка: под семью замками,
Чтобы вора позабавить,
С семью смертными грехами
Целых семь укладок бабьих.

(Подари нитку бус,—
Без опмычки обойдусь!)

Что за звон такой комарий
Что за звон такой претонкий?
То чесальщицы Комаринскую
шпарят на гребенках!

(Лишь бы не было плечи,—
И без гребня расчешем!)

С утиральничками в лапах,
(Во всё очи мальчик, пялься!)
То семь чертовых арапок,
Семь царицыных купальщиц.

(Может семь моих сестер:
Ты мне спинки не тер!)

В кухню женского обману
Поспешай, Самсон с Далилой!
Здесь из зорь творят румяна,
Из снегов творят белила...

(Без белил, без румян
В очи пустим туман!)

Так из кухонки—да в кузню:
Кто-то, молот взявши в руки,
Из стекла куёт союзы,
Из свинца куёт разлуки.

(Не скажу наперед—
Чего нам с тобой скует!)

Рука об руку, два брата,
Мухи не беспокоив.
Ровно жар в руке—рука-то!
Позади всё шесть покоев...

(Перед главным, седьмым,
Прижми губы к моим!)

Сердце к сердцу, устье к устью...
Окунуться в реки эти —
Всех Цариц с тобой упустим,
Всех Царевичей на свете!

(Отпусти! Оторвись!
Мы рассказывать взялись!)

Перед главным ее входом,
Пред седьмым ее покоем,
Вот тебе, дружечек родный,
Слово я скажу какое:

(Да чтоб голос был свеж,
Дай воды напьюсь допреж!)

Коль опять себе накличешь
Птицу, сходную со мною,
Знай: лишь перья наши птички,
Сердце знойное, земное...

(Площадной образец,
Каких много сердец)

И еще, дружок, запомни:
 Мы народ вдвойне пропащий!
 Так, коли поем красно мы, —
 Так еще целуем слаще...

(Запиши себе в грудь.
 Говорившую — забудь.)

Няньки спят, мамки спят,
 Пуховик не смят.
 Лишь лампадочки в углах дымят.

Ах, так вот каков — покой ее — покой
 седьмой!

Ах, так вот каков — покой ночной!

Где-ж она? — Нету.
 Где-ж она? — С ветром.
 Не спится — так плачется,
 Так к милому скачется —
 От мамок, от мужа,
 От риз от жемчужных,
 От рож скоморошных, —
 От дел наших тошных!

Из спаленки выкралась,
 На лесенку выбралась,
 Ступень за ступенечкой —
 Лишь выйти пруднечко

А там уж — вольней, вольней,
Ногам уж верней, верней,
Как-будто из гробика
Восстав мчишь по воздуху!

Не к птицам на кровельку, —
На вышнюю звездочку!

(Ветер, ветер, вор-роскошник,
Всем красавицам — помощник
Ревности — служитель,
Верности — губитель,
Даровой рабочий —
Ветерочек мой!)

Стоит полоняночка
На башенной вышечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым с мальчишечкой,
Кто цепь нашу грубую
Раньше всех расклепал,
Кто прежде супруга нам
Шейный плат распрепал.

И мастер он ластится!
Потягается с кошками!
Сорвал ей запястьице,
Играет сережками,

Своею жемчужинкой
Зовет—дорогой...
Да нужен-то, нужен-то
Ей мальченок другой!

— Шаги! —
Матерь Божья помощи!
Оттого что эти чудные — шаги!
Я свечу тебе в три пуда засвечу,
Оттого что эти знаю — сапоги!

То не стон —
Струнный звон.
То не сон —
Он.

— Ты здесь зачем?
— А ты зачем?
— Небось, уйду,
— Сама уйду.

Стоит смиренник юный,
Пощипывает струны.

Нет слов у мачехи-красы,
Покусывает хвост косы.

А вепер между ними
— Как ввюн — между двоими.

Гусляр по стрункам: щелк да щелк,
А сердце в грудь ей: толк да толк,—

Вот в щепья расколоти!
Тот спиночку воротит.

Вот-вот уйдет! — Святой Исус!
И, косу выхлестнув из уст,

Как зверь нечеловечий —
Хватъ! — сына за заплече!

«Стой, погоди, так не уйдешь!»
— Брось, баба, что за речь ведешь?

Ты мне сукна не кóмкай!
Ай девка с моряком ты? —

И хочет плечиком повестъ,—
Не может ручек ей развестъ:

За шейкой за любезной
Свились — как круг железный.

«Я сын тебе, а ты мне-матъ.
Взошел я ветром подышатъ,

Морскую речь послушатъ...
А ты — веревкой душишь!»

— Ты баб до времени не старь!
Царица я, а ты мне — Царь! —

А месяц между ними
— Как меч — между двоими.

«Три года завтрашней зарей,
Как я на персик восковой,

Как нищий на базаре, —
На нежный лик твой зарюсь!

Три года эту ночь ждала!»
Легонечко — как два крыла —

Ослабшие от муки
Он ей разводит — руки.

Вдоль стана бережно кладет,
Сам прямо к лесенке идет,

И на горланый окрик
Вдруг голову ворошит.

Стоит на башенном зубце,
Как ведьма в месячном венце,

Над бездной окианской
Стоит, качает стан свой.

Покачивает, раскачивает,
Как будто дитя укачивает,
Большие глаза незрячие
К мучителю оборачивает.
А вебер — шелка горячие
Как парусом разворачивает.

«Введешь в беду!
Уйдешь — уйду:
Ты — с лесенки,
Я — с башенки!»

Качается, качается,
Шелк вокруг колен курчавится.
Как ест — дитя-проказница
Страх нагоняет, дразнится.

«Что пошатнулся? Ай — спрухнул?»
Царевич к ней на шаг ступнул.

«Теперь ко мне — ни шагу!»
Царевич к ней — два шага.

Качается: — помру за грош!
Качается. — и ты помрешь!
Качается: — ан нет не трожь!
Не след! — Не гоже! — И как горсть

Горошин тут жемчужинных —
Из горлышка — смех судорожный!

— Прощай, мой праведник-монах! —
Все яростней разлет-размах,
— Мой персик-абрикосик! —
Как змеи свищут косы.

Так разошлась — в глазах рябит!
Так разошлась — луну дробит!

Тут страшным криком нутряным —
Как вскрикнет! топ кольцом стальным
На всем лесу — как сдавит!
Как на ноги поставит!

Аж потом высыпал испуг.
— Она смиренней ребенка. —
Стоит, не разжимая рук,
Стоит и дышит громко.

Тут речи нежные лились:
«Теперь не страшно с башни вниз»...
И — дрожью соловьиной —
Смех легкий, шаловливый.

«Моя исполнилась — вся сласть!
 Моя исполнилась — вся страсть!»
 Из бахромы курчавой
 Глазок глядит лукаво.

«Ты на руках меня держал,
 К своей груди меня прижал...
 Добилась», — вновь смеется —
 «Как твое сердце бьется!

Железом ты в меня впился,
 Как огневая полоса
 Под красными щипцами —
 След твоих рук — на память!

Хотенье женское мое —
 Вот все именице мое.
 Иди! — Теперь уж, друг мой,
 Вниз головой не рухну!»

Ух! — Кто-ж это так ухнул вдруг?
 Чья кошачья меж зубов — голова?
 То пророчица великих разлук:
 Сова-плакальщица, филин-сова.

Охорашивается, чистит клюв.
 Глаза желтые — янтарь шаровой!
 Красе на ухо шепочет, прильнув:
 «За булавочкой к тебе я второй!»

Сотворила тут краса крестный знак,
Свое гостя дорогого узнав.

«Весь-то слышал я ваш спор боевой,
Все-то филином — лепал я — совой!

Дважды в грудь свою — булавку отправь!
Дважды филину — уста предоставь!»

Крылами руку ей с рукой,
А клювом губку ей с губой
Разводит пакостник рябой,
— Ты не противься, рот тугой!

Покорность с бабой родилась!
Льни, тонкоствольная лоза!
Чтоб не увидеть желтых глаз —
Закройтесь, черные глаза!

Закроешь — и легче!
Пол-зла, пол-обиды...
Обидчика чуешь хотя —
А не видишь!

И легче уж губы
Свой жар отдают.
Не ветер, а певчие
Ровно поют.

Уж разное шепчешь,
Рот жадный ощеря.
Уж грудь — без приказу
Вгребается в перья.

Все легче — все крепче —
И вот уж с тобой —
Не филин твой старый,
А лебедь молодой!

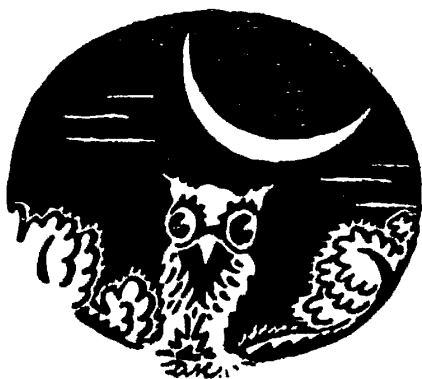
Видят сквозь кисейку-дымку
Месяц с ветром-невидимкой:

Ведьма с филином в прижимку!
Ведьма с филином в обнимку!

Месяц — слезку смахнул,
Тот — березкой пряхнул...

А от губ двойной канавой
Что за след такой за ржавый?
— Бог спаси нашу державу! —
Клюв у филина кровавый!

Ветер рябь зарядил,
Месяц лик загородил.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Солнце в терем грянуло —
Что полк золотой.
Встал Царевич правильный:
Веселый такой!

Хоть не спал, а выспался!
Хоть в раз под венец!
Смородина — кислая,
А я — молодец!

Трех быков на вертеле
Сгублю, не щадя!
Поглядим-ка в зеркале,
Каков из себя!

Белый стан с шнуровочкой,
Да красный кушак.
— Что за круг меж бровочек,
Кумашный пятак?

Словно снег пуховочкой
Прошелся вдоль щек.
— Что за круг меж бровочек,
Почетный значек!

Аль пастух полуночный
Здесь жег костер?
Али думу думами—
Да лоб напер?

Смелыми руками—
Вдоль перил витых,
Резвыми шажками
С лестничек крутых.

Позабыл иконам
Класть поклон земной,
Не идет с поклоном
К бабушке с женой.

Невдомек, что спража
Ему на кра—ул,
Белизной лебяжьей
Всех ворон спугнул.

Вся краса платочком
Ему вслед с крылец.
А старухи—дочкам:
«Молодец—малец!»

Чья в окошке темном
Ночь темней зрачка?
Кто к глазам недремным
Жмет два кулачка?

«Хочешь цельным уйти
Да из женских тенет—
По счетам не плапи,
Сведи с совестью счет.

Скажет: в море плыви!
Пусть красотка клянет!
Бабы—дрянный народ,
Рыбы—славный народ.

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенет—
Держи сердце в горсти,
Дай челну полный ход...

Погляди, как в волнах
Наш Царевич плывет,
Вровень с морем плывет,
В голос с ветром поет,

Хочешь цельным уйти
Да из женских тенет—
Надо быстро грести,
Молодой мореход!

Ведь все пож тебя ждет
 И у жен и у вод:
 Грудь—волною встает,
 Волна—грудью встает,

Песнопевец, в плену!
 Наша летопись: льну...
 Не Царевич к челну—
 Лебедь к лебедю льнет.

И опять ни к чему
 Тебе волный полет!
 Никому не уйти
 Да из женских тенет!»

Слушал, слушал гусярок голоса,
 Просветлел, на локоток оперся.

Словно струнки под его пятерней—
 В тело жилочки пошли болтовней.

С раззолоченных подушек встает,
 Лоб откинувши, а грудку вперед,

Да как вскинет синий взор—вот-те
 раз!—

Видит: филин-сыч сидит пучеглаз.

« Подошел, да накрыл с головой:
Доброй ночи, господин рулевой!

И без ваших ясных глаз обойдусь!»
А рябой из под полы: « Вот так гусь!

Гусь ты, гусь ты мой, заморский индюк!»
Да как вымахнется — разом — из рук!

Не очнулся гусярок, как промеж
Двух сапог его — да дядкина плешь!

«Что за причта? Ошалел, старый гриб!»
— Ручки-ножки, ребра-кости зашиб!

«Без приказу моего — как дерзнул?»
— Чтобы лебедь мой — да в даль не
махнул!
Мало-ль на море приманок-прилук?
Кто в ответе? — эсаул твой, гайдук! —

Расходился тут Царевич, — нет сил!
Ожерельце в зубах закусил.

«Как завидел тебя — нож ровно в бок!
Словно черный кот мне путь перебег!

Чтоб весь век не пил-не ел, чтоб зачах!»
Да как ударит тут по гусям в сердцах!

Говорит тут Царь-Девица
Двум юнцам-своим — щеночкам,
Морячечкам-морьякам:

«Ох вы, чудо-морячечки,
Два весла моих проворных,

Две младых моих руки!
Цельну ночь все в карты дулись,
Картой дрему вышибали —
Моего дружка сперечь.

Бросьте карты вы-колоду,
Вы ныряйте в глубь-пучину,
Поспрошайте тварей-рыб:

Не слыхатъ-ли рыбам звону,
Не слыхатъ ли тварям гласу,
Не плывет ли млад-гусляр?

Разом молодцы вставали,
Расправляли стан плечистый,
Сотворяли знак честной, —

Лишь жемчужное круженье
По воде, — да грудь у Девы
Вся алмазами пошла.

« Мать рожала — не тужила;
Не дитя, — дымочек-дым!
Словно кто мне налил жиры
Светом месячным сквозным.

Лень и семечки лущить-то!
Не до плотского греха.
Вы невесту мне свщите
Для такого жениха!

Не жених, а стебель шаткий!
Кто пройдет — дрожу росой,
Коли дождь, иду без шапки,
Коли снег, иду босой.

Старой бабы беззащитней,
Зеленее стерженька...
Вы подружку мне свщите
Для такого муженька!

По морским румяным рощам,
Лыжи легкие воспря,
Сжалилась над братом тощим
Мощная моя сестра.

Красный круг заря прожгла мне,
Круг, пылающий вверху.
Есть моим палатам — камни,
Есть невеста — жениху!»

Ту песенку прослушала —
Как яблочка откушала,
Звон струнный вобрала —
Как брагой запила.

А путь — бореньем водяным —
Пловцы на свет столбом двойным:

Гривастые как львы
Две красных головы.

«Шептались с тварью-с-рыбами»,
В раз на корабель прыгают,
«Для горя твоего —
Не слышно ничего.

Нет твоего Царевича!»
«Знашь тонок слух мой девичий»,
Она с улыбкой им,
Двум морячкам своим.

«Такой уж слух мой воровской,
Что даже шум правы морской
О рыбий хвост чешуйный,
Не то что друга, чую!

Ввысь, паруса! Пучина, в пляс!
Не Царь я вам, коль в тот-же час
Челнами не сшибитесь!
Не Царь и не Девица!

Ох ты воля! — дорогая! — корабельная!
Окиянская дорога колыбельная!

Плывет Царь-мой-Лебедь
В перстнях, в ожерельях.
Кафтан — нет белее,
Кушак — нет алее...

Сережка — подковой
Висит из ушка
(Живого такого
Напеть бы дружка!)

Ох, взор его синий!
Роток его алый!
«Глянь, чтой-то пучина
Пошаливать стала!»

— В сочельник крещенский,
Что-ль, парень, рожден?
У баб деревенских,
Что-ль врать обучен?

«Да нет, старина!
Ровно мóрок какой-то!
Гляди, — не волна уж:
Гривастая пройка!»

— Ври, дурь-ты-деревня,
Лещу да ершу!
Дай, лучше-ка гребнем
Копну расчешу!

«Врешь, совья ты старость.
Подземная шахта!
Что там за Царь-Парус
Встает на водах-то?»

— Не видишь глазами,—
Гадай на бобах!
Я, что-ли, хозяин
На грозных водах?—

Глаза-то все шире,
А змейка-то колет...

— Спи свет, спи соколик!—
Уж руки как гири,

Уж ноги как гири,
Лоб налип свинцом...
Не пить ей в трактире
Чайку с молодцом!

Но спорит, но всю свою мощь собирает
Но пальцами веки себе разрывает...
Качнется— очнется: «Ой сплю, невтер-
пеж!»

Какой уж, какой туп любовный крутеж!

Красный загар,
Меченый лоб.
«Дядька, пожар!»
Закрылся глазок.

Ручку разжал,
Звякнул сервгой.
— Дядька, пожар!—
Закрылся другой.

Так и спит с последним криком,
С ротиком полуоткрытым.

Весь кафтан-ему-шнуровку
Расстегнула на груди.
Держит сонную головку
На полвздоха от груди
Дышит?—Нет?
Дышит?—Да?

Наклонила лик сусальный
Над своей грудною сталью:
Есть ли, нет ли след вздыхальный?

Да, надышан круг!
Да!

Радость—молнией
В глазах, золотом!

Радость — молнией!
Горе — молотом!

«А если уж жив он —
Чего ж он лежит-то?
А если уж дышит?
Чего ж он не слышит?»

Бог по морю ветром пишет!

Брови сильные стянув,
Взор свой — как орлица клюв —
В спящего вонзает.

Весь из памяти — букварь!
Растерялась Дева-Царь,
Что сказать — не знает.

В грудь, прямую как доска,
Вписнула два кулачка:
Усмиряет смуту.

— Ох, лентяй ты наш, лентяй!
И от пушечного, чай,
Не вздрогнет — салюту!

Как бы листвой
Запрёсса дуб.
Как пес цепной
Смех — с дерзких губ.

«Агу, агу, младенец!»
Хохочет, подбоченясь.

Все — как метлою замела!
Все — как водою залила!

Гляди: сейчас — грудь лопнет!
Все корабли попопнут!

Молча, молча,
Как сквозь толщу
Каменной коры древесной,
Из очей ее разверстых —
Слезы крупные, янтарные,
Непарные.

Не бывало, чтоб смолою
Плакал дуб!
Так слезища за слезою,
Золотые при дороги
От истока глаз широких
К устью губ.

Не дрожат ресницы длинные,
Личико недвижимое.
Словно кто на лоб ей выжал
Персик апельсинный.

Апельсинный, абрикосный
Лейся, сок души роскошный,
Лейся вдоль щек—

Сок драгоценный, янтаревый,
Дар души ее суровой
Лейся в песок!

На кафтан его причастный,
Лик безгласный—кровью красной
Капай, смола!

Кровью на немую льдину...
— Распопись слезой, гордыня,
Камень-скала!

А уж под спалью-лапами
Спор беспардонный начат:
— Что,—над конем не плакала,
А над мальчишкой плачешь?

Вихрь-жар-град-гром была,—
За все наказана!
Войска в полон брала,—
Былинкой связана!

Войска в полон брала,
 Суда вверх дном клала,
 А сама в топъ брела —
 Да невылазную!

Кулаком славным, смуглым
 Лик упирает круглый —
 Наводит красоту.

Лик опрокинула вверх дном,
 Чтоб солнце ей своим огнем
 Всю выжгло — срамоту.

«Его Высочеству приказ:
 Что в претий и в последний раз
 Зарей в морскую гладь

На гусельный прибудем зов.
 Прощай, Гусяр! До трех разов
 У нас закон — прощай».

Всей крепостью неженских уст
 Уста прижгла. (От шейных бус
 На лапах — след двойной)

От сласти отвалилась в срок,
 И сапжок через борток —
 В дом свой морской — домой.

Еще сталь-змея вороток дерет,
А целованный уже вздрогнул рот:
Не то вздох, не то так, зевота,
А все, может, зовет кого-то.

Допреж синих глаз приоткрыл уста
— Эх, и чтоб тебе подождать, краса!
И не слышал бы ветер жалоб:
Целовала-б и целовала-б!

Оттого-что бабам в любовный час
Рот горячий алый—дороже глаз!
Все мы к райским плодам ревнивы,
А горячки-то—особливо!

Потягивается, подрагивает,
Перстами уста попрагивает...
Напрасно! И не оглянется!
Твое за сто верст—свиданнице.

А дядька-то шепчет, козлом пляша:
«Должно быть на всех парусах пошла!
Не все целовать в роточек..
Давай-ка свой вороточек!»

Синей василечков,
Синей конопли,
На заспанных щечках
Глаза расцвели.

— Эй, старый, послуш-ка:
Вот сон-то приспел!
Как будто кукушку
Я взял на прицел.

Пусть зря не тоскует!
Зажмурил глазок...
И слышу—кукует:
До трех до разов».

— То не пташечка-кукушка
Куковала.
То твоя подружка
Тосковала.

Как под бурею ночной спонут снасти,
Да уж спать-то ты у нас больно мас-
тер!

«И вижу еще я»,
Речет сам не свой,
«Что плачет смолою
Дубок молодой.

Ветвями облапип
Как грудку-мне-спан,
И капип, и капип
Слезой на кафтан».

— Нет, Царь Лебединый,
Не дуб, не смола:
То спесь-ее-льдина
Слезой изошла.

«И снился мне», молвит
(Сам губочки прет),
«Что красное солнце
Мне — яблочком в рот».

Да так вот, с поклоном:
Испробуй, ленпяй!»
— Царя Соломона
На сон почитай.

Тот, вздохом туманным:
«Дай сон доскажу!
За перст безымянный
Прикован — лежу».

Ай к смерти? Ай к свадьбе?
Скажи, не мытарь!»
— Эх, спать бы и спать бы
Тебе государь!

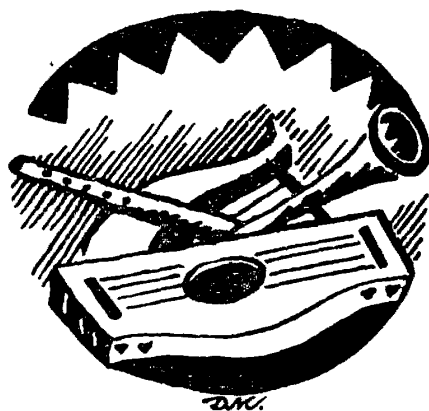
От бабы Иосиф-то
 Нагишом, – берегись!
 На женском волосике
 Не один уж повис!

Не внемлет Царевич дурной ворожке
 Сам нежную руку целует себе.

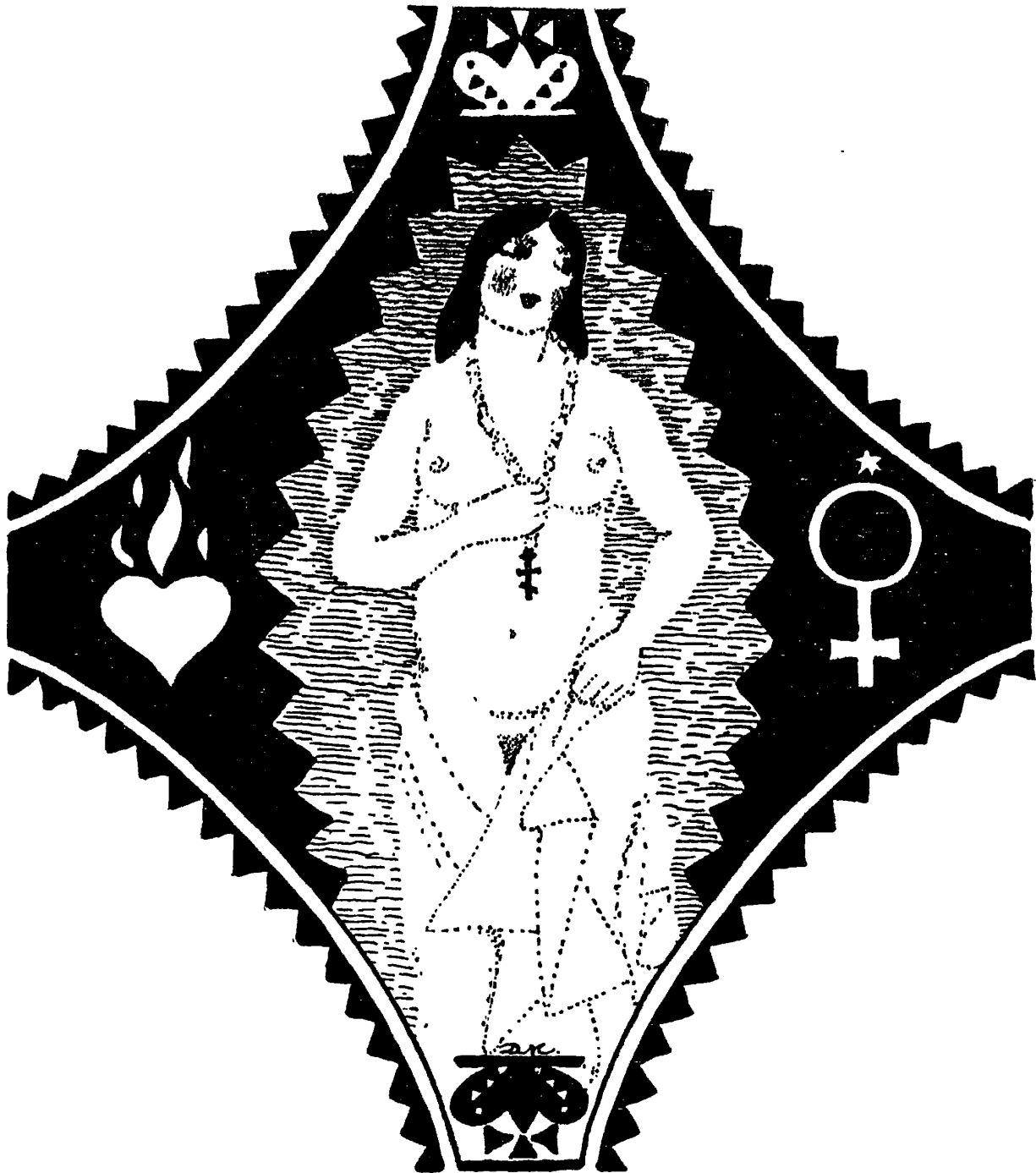
«Гадай хошь на картах,
 А хошь – на бобах!
 Хошь вороном каркай, –
 Все сласть на губах!»

Ты бренчи, гусляр, задай нам пиру-звону!
 Синь-то водная – что синькой подси-
 нена!

Исполать тебе, Царь-Буря, будь здорова!
 Рот у мальчика – что розан пурпуровый!

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

— Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь белобородый.
Круговой поднос, кумачевый нос,
Мне сам чорт сегодня чарочку поднес

Веселитесь, наши руки даровые!
Всё хлеба ваши я пропил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся — и личиком в навоз.

Выпивайте, брови черные, до доньшка!
Всех-то телок ваших пропил я, бурену-
шек!

А коль тошно вам от ребячьих слез, —
Помолитесь, чтоб их чорт скорей унес!

Задирайте, попы-дьяконы, подрясники!
Не то в пляске-то носами об пол хряспи-
нетесь!

Чем крысинный хвост, да великий пост —
Лучше с чарочкой-сударочкой взасос!

Подымайтесъ, воры-коршуны-мятеж-
ники!

Для костра сваво я сам припас залеж-
нику!

Двери—настежь—все! В клетки заперт—
пес!

Частоколы сам по колышку разнес!

Рухай-рухай, наше царство разваленое!
Красный грянь, петух, над щами несоле-
ными!

Красный грянь, петух: Царь-кумашный
нос

Все, как естъ, свое именнице распрес!

— Эй, холопы, гусяра за бока!

Чтоб комаринскую мне, трепака!

То не дым-туман, турецкое куреннице
То Царевича перед Царем виденнице.

То не птицы две за сеткою тюремною—
То ресницы его низкие, смиренные.

Ох, ресницы, две в снегу полуподковочки
Розан-рот твой, куполок-льняной-мако-
вочка!

В кулачек свой кашлянувши для приличества:
 «Какой песней услужу твamu Величеству?»

— Птица в небе—выше нас родилась!
 Над тобою наш не властен приказ!—

«Часто я слышал сквозь дрему
 Бабий шопот-шепотаж:
 — Плохой сын царю земному,
 Знашь Небесному хорош!

Черным словом, буйным скоком
 Не грешил я на пиру.
 На крыльце своем высоком
 Дай ступеньку гусяру!

Никогда, сойдясь межою,
 Навзничь девки не бросал,
 Да не то что там с чужою—
 Вовсе с бабами не спал!

Не плясал в зазорном платье,
 Как ударят ввечеру.
 Широки твои лапы,—
 Дай местечко гусяру!

Хошь плохой я был наследник —
 Гусярок зато лихой!
 Паренек-то из последних —
 Может, ангел не плохой...

Хошь и неуч я в молебнах,
 Наверстаю — как помру!
 Между труб твоих хвалебных
 Дай местечко гусяру!

Взял лучину Царь: — «Нагнись-ка, дружок!»
 (Чуть-что всей ему копны не поджег!)
 «Видно воду пьешь да постное ешь?
 Что тебя-то не видал я допреж?»

Сын ли с бабюшкой, аль с львом крас-
 ным — лань?
 Вся-то глотка-пересохла-гортань!

Вспыхнул пуще корольков-своих-буе:
 «Я вам, бабюшка, сынком довожусь!»

Как толкнет его тут Царь сгоряча:
 «Врешь, молочная лапша! каланча!

Прынц заморский, либо беглый монах, —
 Ни в каких я не повинен сынах!»

Подивился тут Царевич бровями:
«Хоть убей меня, а зря не спрами!»

Не монах и не заморский мужик,—
Я в супружестве законном прижип!»

Помянул тут Царь с десяток шупов:
«Знашь косушку перелил, полуштоф!»

Да иная нам тут малость важна:
Коли сын, так твоя мать мне—жена?!»

И как взвоят—инда стекла дрожат:
«Ох пропал,-прогал, пропал,-пропал,—же-
нат!»

Коль жена, так значит—дочь, значит—
зять?»

Где ж убивица моя,—твоя мать?!»

В землю пальчиком гуслар: «Вечный дом!—
Ты в супружестве живешь во втором.»

Разом хмель пропал от этого сказу,
Распарацился, что сом пучеглазый,

Вздыху непу,—гляди лопнет шаром!
— «Так в супружестве живем во вто-
ром!»...

Дрожит сын, шепочет,
Вином виски мочит,
Хлопочет вокруг той горы кумачевой:
Лик—шар сургучевый, краснее клопа.
«Ох, бапюшки,—так и ушел без попа!»

Льет в рот вино, назад—вино,
К груди припал,—бревном-бревно.
«Одно бы знать: что дышишь!
Да сердца не прослышишь!»

«Коли вино не хочет в рот,»
Сам в руки гусельки берет,
«Быть может, Царь-отец мой,
Мое—поможет средство!»

Пробежался по струнам ветерком,
Слышит: кто-то ровно —щелк!—языком.

Разжужжался, как шмелиха-пчела,
Смотрит: холм-гора-то кверху пошла!

А как пальчики пустил во всю прыть,
Видит: Царь сидит, да ручкою: пить!

Отцу сынок налил,
Пьет Царь, подставляет,
За каждой чаркой
Сынка похваляет:

«И кудри-то — шапкой!
 Стан — рюмки стройней!
 Вот что бы без баб-то —
 Рожать сыновей!

Зачем — жена?
 На-кой — жена?
 Ты не жена
 Скажи, — война!

• Чуть что не так
 И свет ей мрак,
 И друг ей враг,
 И царь — дурак...

Ох ты, Царь-дурак, женатый холостяк!

Приведи-ка мне, сыночек, жену:
 Бить не стану, а разок — толкону!

То не сон-пуман, ночное навожденнице —
 То Царицыно перед Царем виденнице.

То не черный чад над жаркою жаровнею —
 То из уст ее — дыханнице неровное.

То не черных две косы, служанки кропкие:
 Две расхлестанных змеи — да с косоплет-
 ками!

До ковровой до земли склонилась испово,
Об царёвы сапоги звенит монистами.

— «Виноградника в соку,
Здравствуй, зернышко!
Не видал я на веку
Спройней горлышка!

Вся от пяток до бус —
Во как — нравишься!
Да коль я не подавлюсь,
Ты — подавишься!

Оттого что вкус мой гнусный, мокрый ус!».

Вырывала туп из кос косоплетки,
Отползала змея к самой середке,
Духом винным-туп-боченочным румяни-
лась,
Царю — в землю, гусярочку — в пояс кла-
нялась.

Ножки смиренные, рот алый поджат.
Во всем теле — одни ноздри дрожат.

Заиграл сперва гусяр так-от легонечко,
Ровно капельки шумят по подоконничку.

Та — рябь рябит,
Плечьми дрожит.

Заработали тут струночки-прислужни-
цы,
Ровно зернышки-посыпались-жемчужин-
ки.

То — пруд-река,
Колелет бока.

Заходили тут и руки в странном плясе:
Коготочками гребет, что кот в атласе.

Сожмет, разожмет,
Вновь в горсть соберет.

Отпустил гусяр своих коней стрено-
женных —
Прокатилась дрожь волной до быстрых
ноженек.

Как тигр-лежебок
Готовит прыжок.

Ой, рябь!
Ой, зыбь!
Ой, жар!
Ой, хлад!

Ой в пляс пошла, помилуй Бог вас, стар
и млад!

Бочком, бочком
Шмыжком, шмыжком,
Играючи да крадучись —
Что кот с мышом!

«Ох, не пляшут так, жена, пред мужень-
ком!»

— Скидавай босовики!
Босая пляши!—

Эй, топ, босовичек!
Эй, скок, босовичек!
Наших босых ног —
Не белей снежок!

«Что ж ты вспыхнул, ай мороз тебя
ожег?»

«Пусть душу не спасу,—
Распущай косу!»

Как треханет!
Как маханет!
Мраком-то-как-
Жаром —дохнет!

Белый плат-то свой нагрудный распах-
нет!..

Плеть-ли бабья— ай
 Просто яблонь-май?
 Бабья пазуха—
 Али Божий рай?

То дыханьце ли, жаркий воздушок,
 Аль инбирь-шафран-корица-корешок?

Веселится Царь,—
 Инда пот утер.
 Белей снегу—сын,
 Глаза в землю впер.

— Что ж вы, струночки не стали впе-
 ребор?

Не змеиный шип—шелков разных скрип,
 То не плетка-хлыст—шелков рваных
 свист,

То на всем плясу—шелка ручьями вниз!

— Эй, жару подавай!

Рубаху скидавай!

Отцу с сыном пир великий задавай!

Заленилась—не слыхатъ монист.

С плеча левого наплечник вниз.

Рукой заспанной ресницы прет,

Теперь правому плечу—черед.

Осовела, что кулек с мукой,
Ткань у бедер собрала рукой.

Да не во время зевнула, дрянь!
Пошла рот крестить,—пустила ткань.

И—взыграв как целый град Содом—
Закрутилась дымовым столбом!

Ночь—ежели черная!
Кровь ежели красная,
Бабенка невздорная,
Да на все согласная—

Можно одной улочкой
Вдвоем ходить,
Можно одной булочкой
Двоих накормить.

Друг ли ты с товарищем,
Ай сын с отцом,
Поделитесь чарочкой—
И все с концом!

Грех из-за убожества
Входить в изьян!
Поделись по-божески—
И каждый пьян.

На миру монашество —
Что землю грызть!
Ну, а бабья наша тут
Молчать — корысть.

Столбам с перекладкою
Никто не плох!
Хватай мертвой хваткою,
А там — как Бог.

Луна с луговинь
Ушла за копну.
Глядит Царь на сына,
Глядит на жену.

Верней самострела
Глаз пьяных — прицел
— «Ты ног не жалела,
Ты рук не жалел,

И так что за кружкой
Я верно сужу,
Решил, что друг дружкой
Я вас награжу.

Любитесь — доколе
Ус есть у кипов.
Да чтоб мне к Николе
Внучёк был готов!

Да чтоб тот внученок
С меня был снятой!»
Берет Царь боченок:
— «Налей вам святой!

В ковры-вам-подстилки
Вину велю пещь!»
В персты по бутылке
Сует вместо свеч.

«Чтоб в играх-затействах
Плодились, птенцы,
Вот вам венецейских
Две чарки—в венцы!»

Вверх дном, ошалелый!
Двойной аж фонтан:
Ей прямо на тело,
Ему на кафтан.

Сидит, приосанясь,
Меж струн и меж струй,
Да вдруг как замянет:
«Исайя, ликуй!»

Эх, Исайя, ты Исайя,
С небес свесь-ка голову!
На невесту взглянь: босая,
Того хуже—голая!

Словно цельным спановищем
 Вражбим — в рот целована.
 Всего тела вдоль — винищем
 В кровь исполосована.

Ишь, сокрыла черноглазбе!
 Хороша, смиренница!
 На полунощных-то разве
 На лепуньях — женятся?

Как пойдет чудить в кровати
 Булавками-иглами!
 — Нет, Исаяя-ликовашель,
 Твое дело гиблое!

Гляди: Царь их лбами чокнул
 Для дельца веселого!
 «Да в уста чтобы — не в щеку
 Целоваться, голуби!»

«Не рябая, не косая,
 Глаже шелку — платвице!»
 — Ох, пророк ты наш Исаяя,
 Паренек-то пятится!

«Коли сам жену не чмокнешь
 Скручу с ней веревкою!»
 (Ох поддастся паренек наш!
 Пенька — баба ловкая!)

Быть ему, пророк Исая,
За дверьми чугунными!
От нее себя заставил
Изгородью спруною!

Царь из рук как схватит гусли!
— Держись, гуси-лебеди!—
«Чмокай в папочное устье,—
Не то — гусли вдребезги!»

То не девица в когтях у черной немочи —
То Царевича у женских уст застеночек.

Потягивается, подрагивает,
Устами уста попрагивает,
Как жалом в него вонзается,
Как в яблок в него вгрызается,
Из сердца весь сок вытягивает,
В глубинную глубь затягивает.

Учись, учись, любовничек,
Как без меня чаевничать!

Учись, учись, болезный мой,
Как нашей лаской брезговать!

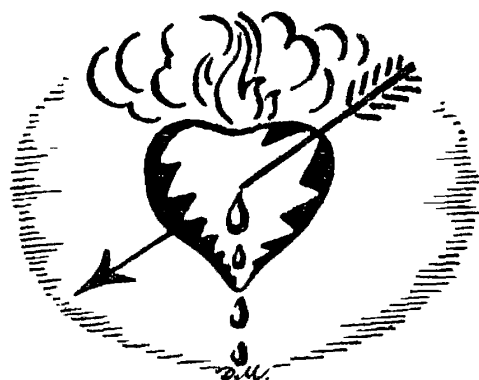
Учись, учись, монашек мой,
Как в споре жить — да с мачехой»

Обхватывает, обматывает,
 В грудь скудную—когти вкапывает,
 Вокруг обвилась, как жимолосица,
 Как радуга—запрокинулась!
 Белки-то уже—под деснами!
 Аж пол подметает—космами!

Стар и млад—не суди!
 Этот жар—из груди
 Должен в грудь перебечь,
 Аль всю супь нашу сжечь.

У цыгана—луна,
 У буйна—война,
 У дворянчиков—честь.
 У нас—кровь одна есть.

Кровь, что воеет волком,
 Кровь-свирепый дракон,
 Кровь, что кровь с молоком
 В кровь целует—силком!

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Солнце в терем врезалось —
Что меч золотой!
Лежит цвет-наш-презвенник,
Как пьяный какой.

Вот уж вечер-зареве —
Он взор межит,
Уж к вечерне вдарили —
Он все лежит.

Ухо клонит-слушает:
Уже с коих пор
Ровно шум-шушуканье,
Девичий спор.

Словно ручеечка два
Шумят сквозь снег...
Только шепоточка два,
А полку — нет.

Ему шепоточка два
 Без всяких слов,
 А нам волосочка два
 Да с двух голов.

(Враги неразрывные —
 В одном копле!)
 Сошлись на груди одной,
 Одном сукне.

Один — глаз хопь выколи,
 Тот — взор завесь,
 Один — аж по щиколку,
 Тот — с пальчик весь.

По кафтану шитому
 Шумят войной.
 Тот — змеиным шипом-то,
 А тот — струной.

От их шуму-шороху
 Аж лоб болит!
 «Твое дело коротко!»
 — Да толк велик!

«Стрижка-брижка, -выскачка!»
 — С грозой дружу!
 «Из хвоста, знашь, кисточки!»
 — Да верх держу!

«С головы я чёсаной!»
 — А я с честной!
 «Моя баба—с косами!»
 — Моя—с красой!

Был тут спор порядошный:
 Свились в комок!
 Только слышит: рядышком—
 Другой шумок!

Не морской, не гусельный:
 Пчелиный—гуд.
 Близко-близко, чуть ли не
 У самых губ.

Нет, не пчелки розанам
 Ведут дозор.
 То с печатью грозною
 У слюнки—спор.*)

«Чей ты, мед несмешанный?»
 — Забыл ожог?
 «Подари усмешечкой!»
 — Вздохни разок!

*) Печать (ожог) — поцелуй Царь-Девицы
 слюнка—поцелуй мачехи.

Первой говорит слюнка.

«Вспомни час полуночный!»
 — Полдневный жар!
 «Теку в каждой слюночке!»
 — Что́ вздох—то дар!

«Раскрой половиночки!»
 — Шепни во сне!
 «Все мои—кровиночки!»
 — Все песни—мне!

Разорвут на части две,
 (Аж жар во рту!)
 Разных уст—печати две
 На том же рту.

«Мой он, мед несмешанный!»
 — Шалишь, дружок!
 Свистит слюнка грешная,
 Кипит ожог.

«Что это с губами-то?»
 (Гусяр вшупик)
 «Пить хочу без памяти,—
 Аж грудь кипит!»

Язычком облизнется:
 От губ—дымок,
 Только-что по-близости—
 Опять шумок.

Как от свечи воск дает
В церкви ночной.
Речь великопостная,
Шумок свечной.

Ему--капли воску две
Из Божьих соп,
А нам, значит, слезки две—
Из разных вод.

То из моря Чёрного,
Акулъих мест,
То из моря верного
Жемчужный всплеск.

Двух печалей первенцы:
— Вернись!—Вернись!—
Две слезы-соперницы
В одну слились.

Жаркими руками
Вдоль перил витых,
Шалыми скачками
С лестничек крутых.

Какой тут заморыщ!
Богатырь, ей-ей!
Одним махом—сорок
Спрыгнул ступеней.

Бугор ему—кочка,
Страшон ему—кто?
Море бы в примочки
Взял, кабы не мелко!

Ох ожог, знаешь, лютой!
Не простой, знаешь, мед!
Гляди, вихрь полу-то
Сейчас оторвет!

По камням-колючкам
Шпарит-жарит—и-их!
А ведьмухи внучкам:
«Ошалел жених»

Только—Царь Небесный!—
Из тьмы теремной
Что за знак за крестный
Вслед ему—чудной?

«На измор-отправу,
На позор-превред,
Слева—да направо,
Снизу—да наверх»...

Не глаза под бровью:
Черные дела!
Не наестся кровью
Ревности игла!

Ох ты воля!—дорогая!—корабельная!
Окиянская дорога—колыбельная!

Не спи, крепись!
Взгляни на птиц:
Заснем—так вниз,
Заснешь—так вниз...

Не та уж синь
Промеж ресниц
Пойдет,—
Морская синь пойдет!

Морская синь,
Морская соль,
Все море в грудь твою взойдет,—
И будешь ты
Не Царский сын:
Морской король.
Аминь.

Не спи—вспряхнись!
Учись у птиц!
Смекай наш писк,
Смекай наш свист!

Не звон монист —
Змеиный шип!

Держись!
С змеищей вперегиб
Не стой в ночи!
Шелками шит, змеей зашит
Твой воропок!
Не спи, крепись!
Вспряхнись!
Смекай наш свист!

И ветер этой песне впорил
Широким свистом кучерским.
Тогда заговорило море
Роскошным голосом морским.

— Доверься морю!— не обманет!
Плыви, корабель-корабел!
Я нянюшка-всех лучше-нянек,
Всем колыбелям колыбель.

Уж скоро ты в кулак-канаты
Сам разорвешь, своей рукой.
Припав к груди моей богатой,
Крепчай, мой выкормыш морской!

Клади себе взамен подушки
Мою широкую зарю,
Тебе в игрушки-погремушки
Я само солнце подарю.

Не будет вольным володеньям
Твоим ни краю, ни конца...
Испей, сыночек двухнедельный,
Испей морского питвеца.

Испей, испей его, испробуй!
Упробу пощую согрей.
Иди, иди ко мне в учёбу—
К пенящейся груди моей!

Волна челн колышет,
Жар упробу сушит.
Одно дело—слушать,
А другое—слышать.

Кому жить охота—
К мощам не паломник,
Кому пить охота—
Лишь стакан и помнит.

Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Черезчур уж пенный!

Выпьешь,—ничего не
Скажешь,—мед хваленый!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересолёный!

Кровь ли это в жилах,
Аль волна об челн,
Как та песнь сложилась —
Нам-то знать почем?

Не своей охотой —
Дуло у виска!
Не своей работы —
Смертная тоска!

Как ременным кушаком сжата грудь.
Ручку поднял — вороток отстегнуть,

Да от плеча до пят — как вздрогнёт,
Да как ручку-то назад дерганет,

А всего-то на тебе, дурачек,
Пустяковина сидит: паучек.

Шейкой крутит, аж в лице покраснел!
А паук-то уж на грудку приспел.

«Не дави меня, Господь не велит.
Не простой я паучек, — крестовик!»

И понёнько так, комарьей струной:
«Не простой я паучек, — теремной!»

Ну и страху-тут-сметенья былó!
Ровно судорогой парня свело!

Тут бы дрянб ему да в воду щелчком!
Ан уж кончено и так с паучком:

Солнце светит, ветерок, значит, свеж...
Только нового—что дядькина плешь!

— Чтоб ты лопнул с той мушиной крови!
А старик ему: «Бог в помощь, пльиви!»

— Чтоб огнем тебя—мушиная кровь!
А старик ему: «Совет да любовь!»

— Чтоб на гроб тебе не спало досок!
А старик на то ни слова,—молчок.

То не Свет-Егорий
Спор ведет с советом,
То посередь моря
Царь-Девица с Ветром.

Говорит, как с ровней,
(Мудр, хоть непоседа!)
Спор-то полюбовный,
Дружная беседа.

«Ветер-ветер, перебежчик,
Переносчик, пересказчик,
Наших женских дел доносчик,
Слов разносчик, дум доказчик...

Да чтоб слов не прапимь
— Разом чтоб! Спроста!-
Есть ли где, касатик,
Меж царей мне братец,
Меж девиц — сестра?»

Говорит — как шутит.
Тот кудрями крутит.

— Нет во всей вселенной
Такой здоровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный!

Вдох тут поборовши,
Отпила из чаши.
«Так по так — здоровше!
Ну, а всех ли краше?»

Говорит — как рубит.
Тот как дьякон трубит:

— Нет во всей вселенной
Такой откровенной!
Ты — наш цвет военный!
Я — твой неизменный! —

«Эх, болтун досужий,
Скажи, не жалея:
Ну, а может — хуже
Знаешь — да милее?»

Говорит—как просит.

Тот гонцом доносит:

— Нет во все вселенной

Такой несравненной!

Ты—наш цвет военный!

Я—твой неизменный!

«Чего ж он, мой лебедь»

(Говорит—как бредит)

«Синий взор свой прячет?»

Говорит—как плачет...

— Будет тебе руки

Марать бабьим делом,

Коли будут внуки,

Будешь ты им—дедом!—

На руку ей тихо

Шум кладет крыло:

— Мой совет чпоб их и

Вовсе не было!

Варишь—не наваришь!

От лоханки—к курам!

Предоставь, товарищ,

Это дело—дурам.

Курь на нашесте,—
Ребят не унятъ!
Давай лучше вместе
Корабли гонятъ!—

Разошелся, дурень:
Аж грозитя Деве!
А родспива-то: шурин,
Тестъ, да зятъ, да деверь...

Степняки, невежды,
Ватошный кафтан!—
Крыльшек промежду
Грудку-взял ей-спан.

— Нет на всем на рынке
Ценней жениха-то!
От моей перинки
Не пойдешь брюхатой!

Крыл у меня двое:
Одно подспелю,
А другим накрою
И благословлю.—

Да над самой, эдак,
Шепчет над душой:
«Не хочу я девок,
Ты мне брат старшой!»

— Нет во всей вселенной
Такой дерзновенной!
Ты—наш цвет военный!
Я—твой неизменный!

По рукам чпоть?—Слышит:
Слеза—спук—об спаль.
«Об одном лишь,—дышит,
Грусть—схватила—жаль.

«Лучше б... (пот к ней ближе)
Вовсе б свет погас!
Так и не увижу
Его синих глаз!»

Зарычал с досады!
Разом крылья опнял!
— Да в любом посаде
Таких глаз—по сопням!

Бабью спрасть дрянную
Знаю—к кулаку!
Чай, не приревную,—
Сам приволоку!

Не мужик, не зверь я,
Не законный лапоть!
Ну, а чем на перья
Мне слезою капать—

Хватай-ка за гриву —
Братъ Стамбул-Царьград!
Девичий-свой-львиный
Покажи захват!

Завзятой бобыль я,
Проживем без скуки!
Топ навстречу — крылья,
Та навстречу — руки...

Всех законов крепче
Ветровой закон!
«Свет-Архандел!» шепчет:
«Никак его звон?»

«Сорную траву дурную
Не коси, косарь, с плеча!
Не паша, не бороня
Молодость моя прошла.

Все печаль свою покоил,
Даже печки не сложил.
Кто избы себе не строил —
Топ земли не заслужил.

Для гробочка-домовины,
Из досочек из шести
Из сосновых — ни единой
Я не выстрогал доски.

Только знал, что на перине
Струнным звоном ворожил.
Кто страды земной не принял —
Тот земли не заслужил.

На перине, на соломе,
Середь моря без весла, —
Ничего не чпил, кроме
Струнного ремесла.

Ну, а этим уж именем
Пуще хлеба дорожил...
Кто к земным плодам надменен —
Тот земли не заслужил!

Ломовым ей дышлом
В грудь — напев чуть слышный.
Она Ветру: — Слышишь?
— Ничего не слышу!

Тот без зла ответил,
Ее зло взяло.
«Отстранись-ка Ветер,
Рваное крыло!

Из твоей свободы
Не слаташь заплаты!
Тебе путь — к Восходу,
Ну, а мне — к Закату!»

Не орел с орлицей
 В спор - вступили - схват:
 Крылья рвет — Девицын
 Нареченный брат.

Солнце — долу,
 Месяц — в гору,
 Челнок с горы на гору.
 Оставался б, мальчик, дома,
 Обирал бы ягоды...

В сапожке казанском ногу
 На бортюк поставил он.
 Окианскую дорогу
 Мерил взором сабельным.

То не меч с мечом,
 Не клинок с клинком —
 То пресветлый взор
 С заревым лучем —

Взор державный с лучем державным
 В поединке схватились славном.

Под ногою хлябь - трясина
 Дурь ведет опасную.
 Мерься, мерься, взор пресиний,
 С тою саблей красною!

Докажи, не трус ты скверный,
Не сопля в халатике!
С самим воинством вечерним,
Мол, играл в солдатики.

То не ладан-пар
От воды встает,
То войскам—гусяр
Производит смотр.

Не крестьянским полкам голодным—
Золотым облакам Господним.

Выходи сам хан татарский—
Поровняюсь силою!
Возводи меня на царство,
Рать ширококрылая!

Надоело промеж няnek
Брать цветник атакою!
Никакой я вам не пряник,
Не миндаль, не папока!

То не два крыла—
В золотой костер,
То Царевич наш
Две руки простер,

Две руки свои разом поднял
В золотую зарю Господню!

(Не кичись своим обхватом,
Грудь Первопрестольная!
Семихолмие — Москва-то,
Хлябь — тысячехолмие!

Величай нас, люд сермяжный,
По имени-опчеству!
На морском холму на каждом —
Вот наше Высочество!)

То не просто-конь
В боевой огонь,
Без стремян-подков
Острогрудый конь —

По морским заповедным чащам,
С белым всадником, ввысь глядящим.

А навстречу — из чертога —
Кто — в броню закованный?
Не ему ли дать дорогу
Войск — на две стороны?

К гусяру простерты длани,
За плечьми-просторами
Разошлась двумя крылами
Рать золотоперая...

То не меч честной
Мечу держит речь,
То булавка-сон
Промеж хилых плеч,

То острожник двух рук ревнивых
Женской мстью сражен в загривок.

Над орленком своим — орлица,
Над Царевичем — Царь-Девица.

Бог на небе — и топ в аду,
Ворон в поле, мертвец в гробу,
Шептуньи, лепуньи, ветрогоньи,
Вихрь осенний и ветер полуденный,
Всё разбойнички по кустам,
Хан татарский, турецкий султан,
Силы — власти — престолы — славы —
Стан пернатый и стан шершавый,
Ветер — воды — огонь — земля,
Эта спящая кровь — моя!

Царю не дам,
Огню не дам,
Воде не дам,
Земле не дам.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в море и в чаще,
В шелках — под рогожей —
Мой — стоя и лежа,
И в волчьей берлоге,
И в поздней дороге,
Мой — пеший и конный,
Мой — певчий и сонный.

Ребенок, здесь спящий,
Мой — в горе и в счастье
Мой — в мощи и в хвори,
Мой — в пляске и в споре,
И в царском чертоге,
И в царском остроге,
В шелках — на соломе —
Мой — в гробе и в грома!

В огне и в заразе,
В чуме и в проказе,
Мой — в сглазе и в порче,
Мой — в пене и корчах,
В грехе и в погоне,
Мой — в ханском полоне,
Мой — есть он дополе
И будет — доколе:

Есть страж—в раю,
Не-наш—в аду,
Земля—внизу,
Судьба—вверху.

Что это вдруг спальным лучом
Рассекло луч вечерний?
То Дева-Царь своим мечом
Клянется, саблей верной.

Припав к головочке льняной,
Ресницы-нежит-стрелы:
«Сама виной, сама виной,—
Гордыня одолела!

Видали вы такую спать,
Чтоб вдруг ребеночку не спать?
Да мне твоей взор, и спящий,
Всех царств небесных—слаще!

Кто спит—тот пьян, кто спит—тот
сыт,

Да, цветок благовонный!
Есть Толстый Царь, есть Тонкий Царь,
Ты Царь мой будешь—Сонный!»

Чуть что не так — и двор сквозной,
И дом дружку заказан...
Хоть и хорош как заказной, —
У Бога не заказан!

С великой нежностью ему
Разглаживает шнур-песьму,
Лик-наклоняет-солнце
На белое суконце.

И вдруг — будь счастлив, паренек,
Что сон твой непритворный! —
Белого поля поперек
— Пропала! — волос черный.

Через все небо — вкось
Красные писмена.
Первый глухой удар
Грома далекого.

Дева не крестит лба,
Лат отломила бок,
Сабельной сталью в сталь
Знаки-врезает-весть.

Кончив, на острый край
Весть-насадила-гнев.
Через коленку — в раз —
Саблю-ломает-сталь.

В правой—чем грудь разить,
В той-где рукой хващитъ.
Спан преклонив, к ногам
Оба конца кладет.

Не разогнув колен,
Русским честным крестом
Лоб-ему-грудь-плеча
Крестит на сон ночной.

Гонит пророк коней.
Гривами хлябь пошла.
Пуще взметнулся бич
В длани пророковой.

Молнией поднялась,
Грудь-разломила-сталь.
Правой рукой под грудь
Левою—сердце вон.

Взмах—и ответный всплеск.
Красен рубахи холст,
Как кровавая—хлябь...
Ветер замел круги.

Ох, уж не ветер, не вихрь!
В небо полезла хлябь!
Не оплошай бичем,—
Возжи уж вырваны!

Не приступ пропрубил горнист —
Кулашный свист!
Не бурю полоснувший хлыст —
Ответный свист!

— Здорово, нареченный брат!
— Здорово, брат!
— В дорогу, нареченный брат!
— В дорогу, брат!

Довольно, знашь, по гусяру
Рвать волоса!
В грудь — сквозь сердечную дыру —
Ветр ворвался.

Сталь из ворота —
Память в лоб.
«Где же Воинство?
Что за сноп
Из воды, за лучи-за стрелы?
Середь моря, что-ль, солнце село?
Что за кровь на моей груди?»

А колдун: — В облака гляди!

И видит гусяр: в облаках тех румяных,
В морях тех ненаших — туманных — об-
маных —

Челнок лебединый с младым гусяром...
И дивного мужа под красным шапром
Он видип—как золотом-писаный-крас-
ной!

И светлые лапы под огненной каской,
И красную каску на красных кудрях,
И властную руку, в небесных морях
Простертую—через простор пурпу-
ровой—

Чрез версты и версты к челну гусярову.

И вот уж—прыжками морская слюда,
Вот-вот уж носами сшибутся суда...
Соплишь—и как древнего времени чудо—
Тот муж светоносный в челнок бело-
грудый

Нисходит—склоняется—сдернул покров...
Да как подивится на вид гусяров!
Да как рассмеется так-вот откровен-
но, —

Как новое солнце взошло во вселенной
Как лев златогривый стоит над щенком...

Так, ласка за лаской, смешок за смешком,
В морях тех небесных—далече-далече!—
Вся их повторяется первая встреча.

И снова туман-всколыхнулся-фапа,
И сизнова в небе все та-же мечта:

Корабъ топ и челн топ, и вновь пур-
пуровый
Вскипающий вал промеж ними—и снова
По грозному небу—как кистью златой—
Над Ангелом—Воин из стали липой.

И грозную смуту на личике круглом,
Жемчужную россыпь на золоте смуглом
Он видит.—Как дождичком-бьет-сере-
бром!
Да что-ж-это? Аль обернулся бабьем?
Да как-ж это можно, чтоб в каске хво-
стапой
Над дрянб-гусяришкой реветь в при-
ручья-то?
Аль черная ночь-тобой крутит-дурман?
И длится и длится зеркальный обман...
И вот уж, мечом-поиграв-рукою, тью,
Уста гусяру припечатал печатью.
—Смеется!—И это, мол, нам нипочем.

Так, слезка за слезкою, луч за лучем,
В том зеркале чудном—с закатного
края—
Вся их повторяется встреча вторая.

И видит гусяр, как в волшебном стекле
Эбеновый волос на белом сукне,

И свеплую саблю с письмом рукописным,
И крест тот широкий — любви бескоры-
спной,
Которым нас матери крестят: — Живи!
Ох, лапы ломает! Рубаха в крови!
Кровавое сердце взметнулось над хлябью!
— Спаси мою душеньку! — Грудка-то бабья!

Кровавою дланью громам поклялась!..

Так, перед морями двух плачущих глаз,
В морях тех небесных — далече-далече! —
Вся их разыгралась последняя встреча.

И снова: гладь — гладью,
Синь — синью...

Где сердце упало — красно!
Оставьте вы царского сына,
Он память-читает-письмо.

Науки — не царское дело,
Мозги не пристали гербам,
Знашь — лютая страсть одолела,
Коль сразу прочел — по складам:

— Нигде меня нету.
В никуда я пропала.
Никто не догонит.
Ничто не вернет.

Как цветочек!
Смотреть - то жалость!
Эх вы сабельных
Два куска!
«Что-ж», шепочет,
Теперь осталось?»

— Ей войска, а тебе — тоска
Размахнулся всею силой рук:
Ан уж непу старика — паук!

Как припопнет, поглядев востро:
Ан уж непу паука — мокро!

Сам же в воду — добывать свое добро.

НОЧЬ ПОСЛЕДНЯЯ

Ой, веплы, ой веплы—
Полночные меплы!
Ой, веплы!

Ой, рот ты мой блеклый,
Глаза мои стеклы—
Ой, веплы!

Пришел к побережью
Без парня—челнок-то!
Ой, веплы!

Не жить мне на свете!
Ой, веплы, ой вепер,
Ой, вепер!

Бери меня, вепер,
На крылышки, вепер,
Ой, вепер!

Берите, туманы!
Не быть мне румяной—
Туманы!

Отправой-обманом —
Объелась-дурманом,
Ой, ветер!

Не жить мне на свете!
Ой, ветлы, ой ветер,
Ой, ветер!

А Ветер в ответ ей:
Я милого встретил,
Шепт вести.

Жив белый твой цветик,
Да только не весел.
Не светел.

В кумашной палатке
Плывет без оглядки —
С солдаткой.

У страшной солдатки
Под огненной пяткой —
Твой сладкий!

А хочешь за бабой
Разбойной — в погоню?
Обгоним!

А хочешь — волну
За волной попоропим?
Затопим!

Запопим, закружим,
 Закружим, отслужим?
 Отслужим!

А дружка—назад
 К груди пламенной!
 А она, в слезах:
 «Ветер, на́ меня!

Ветер, на́ меня!
 Туман, на́ меня!
 Отпусти меня,
 Гроб мой каменный!

Мчипся, мчипся вместе с Ветром—мо-
 лодая!

Замешает след—вешла седая.
 Не пушись, вешла!
 Не трудись, мешла!
 Кому дело, что я с ветром утекла?

«Ох ты, ветер, не было бы нам подвоху!»
 — А ты, мать моя, сиди себе не охай!
 Крепче всяких уз—
 Ветровой союз!
 Чай не первой в своей верности клянусь!

«Что ж то, ветер, не слыхать морского
шуму?»

— А ты, мать моя, сиди себе, не думай!
Встречных птиц считай,
Звезды в лоб щелкай,—
Не очнешься—и уж Царство-нам-Китай!

«Что толкаешься, мужик ты сивола-
пый?»

— А ты, мать, меня за крылышки не
цапай!

Не слетишь—не трус!

Не таков я гусь,—

Не таких еще носил через всю Русь!

«Прямо в небо норовит, лесной шишига!»

— А ты, мать моя, сиди себе, не прыгай!

Для двух ног твоих

Топ пролет велик—

Не с любовничком упасть на пуховик!

«Ой, родимый, погоди никак не сяду!»

— Сиди, мать моя, сиди, сиди, не падай!

До низов-равнин—

Не вершок-аршин!

Уж не ссорься лучше с Ветром ты

старшим!

«Говорят тебе, дурак, сидеть неловко!»
— Нет уж некогда—годить!

Верста — делов-то!

Не одна краса,
Что твоя коса!

Не одной тебе, чай, в верности клялся!

«Что ж ты, подлый, обернулся кверху
брюхом?!»

— Не сумела усидеть, змея,—так ру-
хай!

Знай, змея из змей:

Сахарок-твой-клей

Так и тает промеж двух ее грудей!

—Ух!—

— Кто ж это так ухнул вдруг?

Просто вылетел из тела—дух!

Да не плачь ты, полуночный сыч!

Просто тело о кремень-кирпич.

И пополз меж камней—

Змей...

Над подвалами — полы,
Над полами — попки,
Купола — над потолками
Облака — над куполами.
Там — про наши дела
Пальцем пишет — Судьба.

Пишет — ровно плугом пашет:
Не до грамоты ей нашей!
Берегись, народ крещеный:
Пишет прописью саженой!
В облаках — промеж звезд —
Чуть зажглось — уж сбилось.

Под престолами — подвалы,
Над престолами — обломы
Облаков багровых, грозных
С красной молнией и с громом.

Сверху — страсть, снизу — смрад...
А еще царей винят!

Веселись, пока веселый!
Над подвалами — престолы.
Как нашлет Бог грозу,
Был вверху, спал внизу.

Над подвалами—престолы,
 Под подвалами—погосты,
 С черной костью нашей рабской,
 С мертвой плотью нашей скотской.

Сверху—страсть, снизу—смрад...
 А еще рабов винят!

Веселись, лик бледный, впалый!
 Под престолами—подвалы!
 Не пропеть петуху—
 Был внизу, спал вверху.

— Кто ж все царствице мое разнес в
 труху?

— А ты кто?—Царь.
 Какой ты Царь!
 Нет,—ты не Царь, скажи:
 Комарь.

Кровосос ты, ишь раздулся с нашей кро-
 вушки.
 Где крестьянские всё наши телочки-ко-
 ровушки?

Царь, залечивай
 Раны-немощи!
 Есть нам нечего,
 Пить нам не на што.

Свиньям месиво —
 Вот обед наш весь!
 Гниль да с плесенью —
 Вот и век наш весь!

Гниль да плесень да горящая солома!
 — Кто пустил вас, черти-дьяволы, в
 хоромы?

— А мы сами пришли!
 Одолели вши.
 Все нутро кишки
 Проскребли жмыхи.

Чтоб спознался Царь крестьянский с на-
 шим горем —
 Мы Царю-то Комару-то — брюхо вспо-
 рем!

— Что вы дурни, Царю брюхо пороть?
 У Царя-то, чай, священная плоть!
 Али к Божьему закону тупы?

— Всё по рошицам твои, Царь, попы!

— Ошалели, сволочь, черная кость!

— Кость-то белую твою с мясом врозь
 Разведем — тогда смекнешь, старина:
 Кость-то разная, а кровь-то — одна.

— Эй, дворянчики мои, грибы-груздочки;
 Столбы верные, примерные столбочки!

Что ж вы нынче на помин не легки?

— Всё без шапочки твои, Царь, грибки!

За престол за твоя по красным по стег-
нам

Место лобное свели—с местом лобным.
«Не прудись»—кричат—«собачьи кишки
Только выше мы еще—без башки!»

— Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиний;
Выручай меня хоть ты, двор Госпиний!
Аль в груди, как на лопке—одна гниль?
— От купцов твоих, Кумач,—одна был!

Там, где розаны цветут и на святки
В том краю теперь разбили палатки!
Пропадают с тобой, небось,—не глупцы!
Всё водой твои махнули купцы!

— Эй, навозенные мухи,
Псы-антихристы!
Вызволяй, свиное ухо,
Царя—хитростью!

Всё мокать пошли—да в нашу солонку
Всё на нашу перешли на сторонку.

— Ой, Боже, да кто ж вы?
— А мы—бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, беспсапожье,
Ощёбья, опребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьи,—
Да так себе—сволочь!

— Как не пропиты мои, значит, дрожки —
 Всем сафьянцу привезу на сапожки!

— Сафьян нам не гоже:
 Твоя нужна кожа.

— Пощадите мою спинку, голубчики!
 Всем овчинки привезу на тулупчики!
 — Нет, Царь, не до шуб!
 Тебя под тулуп.

Чай, веками нас валили под рогожу-то!
 — Ой, да что ж это, да что ж это, да
 что ж это?!..

— Смеялся — плачь!
 — Грозился — трусь!
 Да, Царь-Кумач,
 Мы — Красная Русь!

Твоя мамка мы, кормилка никудашная!
 Русь кулашная — калашная — кумашная!

Ша — баш!

Москва,
 1-го июля — 4-го сентября 1920 г.

За престол за твой по красным по стег-
нам

Место лобное свели—с местом лобным.
«Не прудись»—кричат—«собачьи кишки
Только выше мы еще—без башки!»

— Миткаль-бисер-леденцы-пух гусиный;
Выручай меня хоть ты, двор Госпиный!
Аль в груди, как на лотке—одна гниль?
— От купцов твоих, Кумач,—одна былль!

Там, где розы цветут и на святки
В том краю пеперь разбили палатки!
Пропадают с тобой, небось,—не глупцы!
Всё водой твои махнули купцы!

— Эй, навозенные мухи,
Псы-антихристы!
Вызволяй, свиное ухо,
Царя—хипростью!

Всё мокать пошли—да в нашу солонку
Всё на нашу перешли на споронку.

— Ой, Боже, да кто ж вы?

— А мы—бездорожье,
Дубленая кожа,
Дрянцо, беспсапожье,
Ощелья, отребья,
Бессолье, бесхлебье,
Рвань, ягоды волчьих,—
Да так себе—сволочь!

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главное Управление □ Москва □ 1922